ЭММА СКОТТ

КАК СПАСТИ ЖИЗНЬ

18+

Я всегда буду возвращаться к тебе...

Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт

Эмма Скотт

Как спасти жизнь

«Эксмо»
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Скотт Э.

Как спасти жизнь / Э. Скотт — «Эксмо», 2016 — (Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт)

ISBN 978-5-04-158088-9

ДЖО Что я знаю о любви? То, что я помнила, вырвано с корнями. От прошлого у меня остался грубый шрам на лице. Мама была моим миром, ярким и цветным. Я с трудом помню ее. Я привыкла сближаться с парнями, на которых мне наплевать. Но Эван – другое дело. Для других он был изгоем. Я же видела свет в его душе. Когда стало слишком поздно, я поняла, что впервые смогла полюбить. ЭВАН С ранних лет я жил в приемной семье и терпел жестокие издевательства. Было ли это место моим домом? Я думал, что рано или поздно сбегу. У меня была мечта побить рекорд по погружению в воду. Если бы не Джо, то однажды я остался бы под водой навсегда.
Она спасла меня. Но я все разрушил. И сейчас со мной лишь обрывки воспоминаний. В своих снах я видел, что Джо в опасности. Теперь я должен ее спасти.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-158088-9

© Скотт Э., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Благодарности 6
Плейлист 7
Посвящение 8
Часть 1 9
Глава 1 9
Глава 2 15
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 25
Глава 6 30
Глава 7 38
Глава 8 44
Глава 9 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Эмма Скотт
Как спасти жизнь

Emma Scott
How to Safe A Life

Copyright © 2016 by Emma Scott

© Злобина М., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Благодарности

Я хотела бы выразить огромную благодарность Анжеле Шокли, которая многое для меня сделала. Спасибо за то, что ты поменяла свои планы и смирилась с моим безумием, подталкивая меня к тому, чтобы данная книга оказалась закончена в срок (хоть и ценой отчаянных усилий). Ты сделала все возможное и даже больше. Я у тебя в долгу.

Благодарю Эрин Томассон Кэннон. Твоя постоянная поддержка – это то, благодаря чему у меня получилось дойти *до конца* своего пятого романа.

Спасибо Элейн Глинн и Дженнифер Балог-Гхош в первую очередь за вашу дружбу, а также за то, что не позволяли скучать моим детям, пока я работала над книгой, тем самым давая мне время, которого иначе не удалось бы выкроить.

Благодарю своих редакторов Доун Де Шазо и Присцилу Перес. Ваши вклад и поддержка для меня все.

Большое спасибо невероятной Мелисе Панио-Питерсен, которая вела мой блог и сохраняла его активность, в то время как я полностью погрузилась в написание книги, а также за помощь, когда я нуждалась в чем-нибудь, будь то встряска, графические изображения или дружеская беседа. Также хочу поблагодарить Натали Рэйвен за то, что следила за моим расписанием и помнила все, потому что я была слишком измотана, чтобы держать в голове свои планы, а также за то, что была рядом со мной с самого начала. Я обожаю свою команду!

Спасибо Суанне Лакер. Мне не хватает слов, чтобы передать то, что ты значишь для меня. Это огромная удача для меня – встретить настоящего мастера, гения редактуры. Спасибо за моральную поддержку в моменты, когда я была уверена, что тону и топлю эту книгу вместе с собой. Но перво-наперво я благодарю тебя за дружбу. Ты много для меня значишь.

Плейлист

«Everybody Knows», Concrete Blonde
«Heat Wave», Martha and the Vandellas
«Creep», Radiohead
«Hurt», Christina Aguilera
«Smokey Joe's Café», The Robins
«Josephine», The Wallflowers
«The Story», Brandi Carlile
«Silent all These Years», Tori Amos
«The Way», Fastball
«All I Ask», Adele
«Crazy», Patsy Cline
«How to Save a Life», the Fray

Посвящение

Моей маме,

которая поняла, что я стану писателем, раньше, чем я сама. И верила в меня еще до того, как я написала первое слово.

С любовью, J

Часть 1
Сноходец

«Именно в нашей праздности и мечтах порой находится скрытая истина».
Вирджиния Вулф

Глава 1
Джо

Доброе утро, округ Карн! Сегодня нас ждет очередной знойный денек, столбик термометра поднимется до тридцати – тридцати пяти градусов тепла. Жара не собирается спадать, и такая температура продержится вплоть до следующей недели, а может, и позже. Далее для вас и этой аномальной жары композиция «Heat Wave [1]*» от Марты и Ванделлы и старейшей радиостанции KNOL* [2]*.*

Стояло адское пекло. С тех пор как вернулись вчера из Миссури, мы буквально плавились в душной кабине фуры. Опасаясь перегрева двигателя, Джерри старался не оставлять конди-

[1] Heat Wave (*англ.*) – аномальная жара.

[2] KNOL – некоммерческая радиостанция в США. Основное направление – современная христианская музыка. Одно из направлений – кантри.

ционер включенным надолго. Босые ноги я закинула на приборную панель, а лицо высунула в окно, как обычно делают собаки, надеясь ощутить дуновение ветра.

Я не являлась фанатом той музыки, что играла по радио, но выбор в этих местах ограничивался ретро, религией и кантри. И уж лучше старье или все варианты, вместе взятые, чем молчание. Джерри почти не разговаривал за рулем, время от времени отвечая по рации какому-нибудь другому дальнобойщику. По большей части он просто вел фуру почти по прямой дороге равнинной части Айовы.

Марта и Ванделлы гадали, какой должна быть любовь. Я же раздумывала, вся ли Айова представляет собой мили и мили кукурузных полей. Складывалось впечатление, что осушили огромный океан и от него остались покачивающиеся леса водорослей. Мы миновали несколько ферм-спутников, вращающихся вокруг крохотных городков, и только телефонные столбы каждые двадцать ярдов тянулись к безоблачному небу, показывая протяженность шоссе. Среди зеленого моря снизу и голубого наверху я пыталась высмотреть хоть что-нибудь интересное. И вот с моей стороны появился знак с обозначением населенного пункта.

Планервилл
Население 1,341

– Нам сюда? – спросила я.

– Ага, – не отрывая взгляда от дороги, ответил Джерри. Его живот едва не упирался в руль.

Единственные слова, которыми мы обменялись за прошедший час. Не то, чтобы у нас имелись темы для обсуждения. Нам нечего было друг другу сказать. Не на что смотреть. И ехали мы в никуда. Очередной маленький городок, очередная средняя школа. Уже третья в этом году. И я надеялась, что *последняя*. Конечно, раньше июля Джерри не перевели бы на новое место. До конца учебного года оставалось всего несколько недель, и я наконец перестану быть вечно новенькой.

Джерри Рамирес – двоюродный брат моей матери. Единственный родственник, которого я знала с ее стороны. Когда пять лет назад она покончила с собой, Джерри приехал из Флориды, чтобы позаботиться обо мне.

Он работал дальнобойщиком, и его единственная страсть – дорога. Джерри не создан для воспитания детей, не говоря уже о девушке подросткового возраста. И пусть дома он оставался всего на несколько дней в месяц, у меня хотя бы имелась крыша над головой.

Я, в свою очередь, старалась стать самым лучшим ребенком на свете. Узнай кто-нибудь из школы о том, сколько времени я провожу без присмотра, опека непременно заинтересовалась бы этим вопросом, а Джерри из-за подобной халатности попал бы в беду. Но я никогда никому не рассказывала. Зачем мне это?

В данной ситуации передо мной открывалось два пути: либо жить с Джерри, либо с семьей отца в городе Фейетвилл, Северная Каролина. А уж они точно вышвырнули бы меня на улицу. Когда мне было тринадцать, выяснилось, что сотворил со мной дядя Джаспер. Дальнейшие события походили на бомбу, сброшенную на их счастливый воображаемый мир и уничтожившую его. Моя мать покончила с собой, Джаспер попал за решетку, а семейство Кларков так и не простило мне произошедшего. И отца не оказалось рядом, чтобы защитить меня в первую очередь от своего больного брата, а потом и оградить от остального.

Моего отца звали Винсент, и это почти все, что мне о нем известно. Лишь имя и то, что он погиб в Афганистане, когда мне было два года. Я даже не представляю, каким он мог бы стать родителем. Не исключено, что плохим, а может, нормальным или вообще лучшим на свете. Если бы не придурок-боевик, бросивший самодельную бомбу в патруль моего отца, наша семья осталась бы цела, мама не покончила бы с собой, а я не оказалась бы изуродованной изнутри и снаружи.

Но независимо от того, где падают бомбы – в отдаленных пустынных зонах боевых действий или в захолустных городках Северной Каролины, – ущерб меньше не становится. Дерьмо случается. Но порой его случается слишком много. Больше, чем может выдержать девушка. Все эти переезды с места на место, из города в город больше похожи на бегство, когда в действительности мне хочется где-нибудь прочно осесть и восстановиться. Выздороветь.

Я коснулась левой щеки, которую всегда скрывала за завесой темных волос, кончиками пальцев ощутив неровную кожу.

На горизонте показался Планервилл, штат Айова, городок с низкой плотностью населения.

– Вроде не так уж плохо, – заметил Джерри.

– Отличный вид, – согласилась я.

Во всяком случае, на несколько недель. Когда в июне мне исполнится восемнадцать, долг Джерри перед моей матерью будет исполнен. Я останусь сама по себе, и что тогда?

Некоторые люди смеются над ситуацией и говорят: «История моей жизни». У меня ее нет. Есть лишь вопрос: *«Что потом?»*

* * *

В Планервилл мы приехали в субботу, и это дало мне два дня, чтобы обследовать территорию, прежде чем приступить к занятиям в понедельник. Грязная маленькая квартирка с двумя спальнями, которую снял Джерри, выглядела примерно так же, как и все предыдущие наши жилища. Словно ее перенесли по воздуху из последнего города, где мы обитали. Свежевыкрашенные белые стены, пропитавшийся сигаретным дымом ковер и похожие на коробки комнаты. Никакой индивидуальности. Джерри не собирался обустраивать ее по своему вкусу, переделывать под себя. Наверное, в прошлой жизни он был садистом-садоводом – вырывал растения, пока они не успели укорениться. После четвертого переезда я даже не стала распаковывать вещи.

В воскресенье днем, когда солнце уже припекало спину, я решила на велосипеде съездить в центр города. Один банк. Одна автомастерская. Один продуктовый магазин. Пиццерия и спортмаркет. Вот и все. Позже я узнала, что все развлекаются в Хэлстоне, примерно в десяти минутах езды на север. И я поняла почему.

Временами я пишу стихи. Обычно сочиняю пару строк, чтобы запомнить первое впечатление об очередном городе, в который притащил нас Джерри. Для Планервилла вполне хватило бы чистого листа.

Но кое-что все-таки сумело меня заинтересовать: в прошлом году здесь построили аквапарк. Я проезжала мимо, и могу сказать, что ему далеко до «Рейджинг Уотерс» [3]. Всего три горки – *и ни одной высокой или страшной,* – ленивая река и бассейн. В одном из его неглубоких участков с мини-горками и распылителями с удовольствием плескалась и писала в хлорку малышня. Турникеты перекрывали вход в пять вечера, а зимой парк вообще переставал работать.

Несмотря на стойкое нежелание развлекаться тут днем, это место казалось подходящим, чтобы зависнуть здесь ночью. Ладно, может, и напишу что-нибудь. Я сделала мысленную пометку, что в ближайшее время нужно проверить систему безопасности аквапарка «Фантаун».

Когда солнце начало клониться к закату, а цикады завели свою сумеречную симфонию, я направилась к средней школе Уилсона. И сразу же догадалась, что футбол в Планервилле

[3] Рейджинг Уотерс (Raging Waters, *англ.*) – сеть из трех тематических аквапарков в Сакраменто, Сан-Димасе и Сан-Хосе, Калифорния.

является центром жизни. В отличие от обшарпанного кирпичного здания самой школы, поле выглядело лет на десять новее и находилось в идеальном состоянии. В воображении тут же вспыхнула картинка яростных болельщиков, распевающих гимны команд, и как весь гребаный город собирается на ухоженных трибунах. Спортсмены – короли, девушки из группы поддержки – королевы.

Поскольку футбольный сезон давно закончился, то ученики отчаянно нуждались в очередном грандиозном событии. А так как на дворе стоял конец мая, вероятнее всего, это будет выпускной.

Или, может, новенькая, которая носит все черное и прячет лицо за длинными прядями. А еще у нее есть привычка спать с парнями, на которых ей наплевать. Впрочем, как и им на нее. Дядя Джаспер сломал меня. После этого ни один парень не сочтет меня подходящей для себя девушкой. Вот такие карты раздала мне судьба, а я разыграла их единственно доступным способом. По своим правилам.

Поэтому в воскресенье я внутренне готовилась к первому дню в средней школе Уилсона (всего триста одиннадцать учеников), готовая исполнять роль классной шлюхи или фрика.

Оказалось, что место шлюхи вакантно, а титул фрика принадлежит другому.

* * *

Не успела пообедать, как узнала много всяких гадостей о бедняге, которого звали Эван Сэлинджер. Просто слушая чужие разговоры, я выяснила, что он приемный ребенок. Чудик. Одиночка. Три года назад в школе произошел какой-то инцидент. На уроке алгебры у него случился серьезный нервный срыв. Подробности мне неизвестны, но из-за этого случая Эван Сэлинджер попал в психиатрическую больницу, и его моментально окрестили фриком.

Исходя из собственного опыта, я ожидала, что парень будет чем-то похож на меня: темные шмотки, длинные волосы, за которыми можно прятаться и наблюдать, возможно, подводка для глаз в стиле эмо. Если, конечно, он считает себя неполноценным.

Оказалось, что на уроке истории Запада – последнем в этот день – я села рядом с Эваном. Я даже не подозревала об этом ровно до тех пор, пока учитель не задал ему вопрос. Парень находился слева от меня, и волосы, закрывавшие эту сторону лица, мешали обзору. Я повернулась и едва не подавилась жвачкой. Ни темной одежды, ни эмо-стиля, ни длинных волос. Мягко говоря, Эван Сэлинджер выглядел чертовски привлекательным.

Его удлиненные светлые пряди напоминали прическу Леонардо Ди Каприо времен «*Титаника*», только Эван был крупнее молодого Лео. У меня получилось рассмотреть его только в профиль, но даже так бицепсы парня довольно привлекательно прорисовывались под рукавами футболки, плечи смотрелись широкими и сильными, хотя он без движения сидел над книгой. Явно высокий – его колени упирались в нижнюю часть парты. Когда Эван поднял голову, чтобы ответить на вопрос, я заметила поразительные небесно-голубые глаза.

Прекрасен.

Быть не может, чтобы такой парень являлся тем печально известным чудаком, о котором говорит вся школа. Я бы решила, что Эван – защитник команды «Дикие коты». Капитан местной «4Н» [4]. Президент класса. Ему следовало быть королем бала, а не уродом.

Прячась за волосами, я всматривалась в одежду Эвана, ища подсказки, но не нашла того, что могло бы соответствовать школьным слухам. Он носил потертые джинсы, простую футболку и рабочие ботинки. На штанах виднелись тусклые пятна моторного масла, и это тоже легко объяснялось: Эван – приемный сын Харриса Сэлинджера, владельца городской автома-

[4] 4Н – молодежная организация. Цель – вовлекать молодежь в реализацию своего потенциала. Название является отсылкой к появлению буквы Н и первоначальному девизу организации. Head, Hand, Heart, Health (Голова, рука, сердце, здоровье).

стерской. Сэлинджеры жили в большом белом доме на улице Пичтри-Лейн, а миссис С. ездила на «Лексусе».

У приемной семьи Эвана имелись деньги – еще один факт, которому следовало быть засчитанным в его пользу. Судя по всему, по социальной лестнице он скатился после пребывания в психиатрической больнице Вудсайд. Я надеялась, что дело не в этом, но что тогда? В школе, где учится триста человек, только такая история могла убить все шансы Эвана получить титул короля выпускного и прослыть местным психопатом.

Я быстро сообразила, что средняя школа Уилсона чертовски изолирована. Ученикам здесь настолько скучно друг с другом, что любой инцидент становится поводом для сплетен.

И, *черт побери*, они шептались об Эване Сэлинджере.

А когда мистер Альбертин задал ему вопрос о Колизее, казалось, весь класс одновременно вздрогнул. В воздухе повисло напряжение, и все – да, *абсолютно все* – повернулись на своих стульях, чтобы услышать ответ Эвана.

Я ожидала, что он исполнит оперную арию. Или встанет и покажет средний палец мистеру Альбертину, посоветовав ему засунуть Колизей себе в задницу. Я надеялась, что он вытворит что-нибудь этакое. Просто понимаете, если у вас хреновая репутация, то почему бы не использовать ее на всю катушку?

Эван, все так же склонившийся над книгой, ответил на вопрос совершенно нормальным, глубоким и достаточно низким (ладно, сексуальным) голосом. Остальные еще некоторое время подозрительно глазели на него, как бы спрашивая: «Что ты задумал, Сэлинджер?», а затем вернулись к своим делам.

Я не последовала их примеру, продолжив изучать парня. Несмотря на грубые черты и мужественность, в Эване присутствовала неуловимая мягкость. Не знаю, почему я так решила, но мне показалось, что он раскроет самые сокровенные тайны своего сердца первому же человеку, который проявит к нему доброту.

«*И все же он красив*», – подумала я.

Следующий вопрос мистер Альбертин задал мне, вырывая меня из задумчивости. Я прижала жвачку к щеке.

– Не расслышала, повторите, пожалуйста.

Класс обернулся снова, чтобы на этот раз посмотреть на новенькую в рваных черных колготках, фиолетовой юбке, черной футболке и сапогах. Послышались смешки. Сидящий в соседнем ряду *настоящий* защитник команды «Дикие коты», Джаред Пилтчер, бросил на меня оценивающий взгляд.

Учитель повторил вопрос. Я едва нашлась с ответом, все еще чувствуя на себе взгляд Джареда. Он тоже подходил под определение горячего парня, но ему не хватало того неуловимого шарма, который я заметила в Эване. Джаред явно был заражен звездной болезнью. Даже общаясь с ним сутками напролет, вы не пробьете эту стену позерства и не доберетесь до него настоящего.

Что делало его отличным кандидатом для моих целей.

Я заметила взгляд Джареда и провела языком по верхней губе. Медленно, словно пробовала что-то вкусное. Его брови взлетели вверх, а затем он тихо рассмеялся, качая головой. Парень бросил на меня последний вопросительный взгляд. Я кивнула. Джаред кашлянул и отвернулся от меня. Дамы и господа, как думаете, поправил ли он штаны, чтобы скрыть поднимающееся возбуждение и попытаться успокоиться? Лично я ни капельки не сомневалась. Мы будем встречаться за трибунами или в спортзале, а может в заброшенном уголке библиотеки, где я начну создавать свою репутацию.

Убедившись, что волосы все так же закрывают лицо с левой стороны, я склонилась над партой. Урок тянулся слишком медленно. Неожиданно я почувствовала тепло на коже. Солнечный луч? Только вот я сидела далеко от окна.

Я покосилась на Эвана Сэлинджера. Он не смотрел на меня, сидел с опущенной головой и устремленным в учебник взглядом. Однако это точно сделал *он*. И пусть это покажется полным бредом, но я ощущала его присутствие. Казалось, даже не глядя, парень наблюдает за мной.

– Прекрати, – прошептала я.

– Извини, – тут же ответил он.

Моя просьба его не смутила. Он меня понял, и это чертовски странно, потому как я сама не представляла, что имею в виду. А потом все закончилось. Налетевшая тучка заслонила собой луч света, и чувство, что Эван наблюдает за мной, исчезло.

«Ладно, это странно».

Не из-за чего-то подобного у него такая репутация? Несомненно, парень обладал необычной энергетикой. У меня не вышло бы описать ее словами, да и возможно, все это лишь плод моего воображения. Однако всерьез обдумывая произошедший случай, я пришла к мнению, что в этом явлении нет ничего страшного.

Даже ничего хоть сколько-нибудь пугающего.

Глава 2
Джо

На следующее утро перед вторым звонком я заманила Джареда Пилтчера на трибуны за спортзалом и позволила задирать свою кофточку до тех пор, пока явственно не ощутила бедром его эрекцию. Он целовался так, словно хочет сожрать мои миндалины. Я же старательно удерживала волосы на левой щеке. Хотя в любом случае его не интересовало мое лицо.

– У меня есть девушка, – сообщил он, когда прозвенел звонок. – Я пригласил ее на выпускной. Просто чтобы ты знала.

Я пожала плечами.

– Круто. Будет нашим маленьким секретом.

– Прекрасно. Может… после обеда?

Я снова пожала плечами.

– Посмотрим.

Первое правило шоу-бизнеса: всегда заставляйте народ желать большего. Это как театр одного актера, а я будто человек, играющий роль семнадцатилетней школьницы. Как и полагается, в тот день за обедом я нашла себе компанию. Приметив стол, за которым расположились парни и девушки, одетые в черное и предпочитающие стиль эмо, я подсела к ним так, словно делала это ежедневно с начала учебного года.

Я устроилась рядом с Марни Краусс, главой местных отбросов, и напротив ее заместителя, Адама Лопеса. Адам был единственным открытым геем в школе, а возможно, и во всем городе.

– Мы разве знакомы? – оскорбленно фыркнул он, вздернув подбородок и приподняв брови.

– Я очень рада, что ты присоединилась к нам, – произнесла Марни, растягивая слова.

Они обменялись такими выразительными взглядами, что я буквально слышала их диалог. С таким же успехом они могли произнести слова вслух.

«Она что серьезно?»

«Я сам в шоке».

– Джо Кларк, – представилась я, – новенькая.

– Разумеется. – Марни, прищурившись, посмотрела на меня. – Расскажи о себе.

– Я слышала вы, ребята, ведете андеграундный журнал.

Марни оживилась, на мгновение на ее лице мелькнуло воодушевление, прежде чем оно снова приобрело выражение умудренного опытом человека. Она являлась главным редактором *Mo Vay Goo* – одного из ежемесячных школьных изданий. Десять минут назад в коридоре я спасла одну копию из мусорного ведра.

Mo Vay Goo – это игра слов *mauvais goût*, что в переводе с французского означает «*безвкусица*». Небольшой журнал, где полно гневных разглагольствований в отношении человека и экзистенциальных статей. Я ожидала, что их издание окажется по-детски глупым, но в реальности оно мне понравилось. К тому же я не любила сидеть одна в обеденный перерыв.

– Да, я редактор, – подтвердила Марни. – Твое мнение?

– Я хотела бы внести свой вклад, – ответила просто. – Я пишу стихи.

– Дорогая, мы *серьезный* журнал, – фыркнул Адам Лопес.

– Я не пишу розовые сопли. – Я повернулась к Марни. – Если нужен пример, то с удовольствием предоставлю.

Судя по всему, Адам хотел возразить, но Марни внимательно рассматривала меня и мои волосы, прикрывающие левую сторону лица.

– Новый контент – это всегда хорошо, – постучала она по зубам черным сломанным ногтем.

– Как ты можешь быть уверена в том, что она не пытается втереться к нам в доверие, чтобы обмануть? – возмутился Адам.

Я фыркнула. Так мило, что они считают, будто кому-то есть дело до их журнала настолько, чтобы портить его репутацию.

– Разве похоже, что я агент группы поддержки под прикрытием? Я же сказала, что пишу стихи. И многие из них – абсолютная безвкусица.

Марни скрестила руки на груди.

– Круто. Но мы не заинтересованы в стишках о пурпурных облаках грусти или насколько твоя жизнь похожа на черный дом без окон и дверей.

– Нам нужно искусство, – подхватил Адам, – а не пародия на песни Ника Кейва [5].

Это обнадеживало. Может, нам с *Mo Vay Goo* по пути. Я оглядела стол. Еще шестеро ребят в черном с неровными стрижками, пара из них с выбеленными прядями, уставились на меня. Моя компания. Или станут, как только я посвящу их в свою тайну. «*Давай. Это как сорвать пластырь*», – подумала я.

Я выпрямилась и отодвинула скрывающие половину лица волосы. Прохладный воздух коснулся щеки, и я почувствовала себя голой. Уязвимой. Левый глаз моргнул от резкого света. В течение трех мучительных секунд весь стол мог хорошо рассмотреть мой шрам, а затем я вернула пряди на место.

Адам тихо присвистнул.

– Бог, мой. Что с тобой случилось, девочка?

– Автокатастрофа, – пояснила я. – Мне было тринадцать. Моя мать погибла, а мне на память осталась эта красота. Я не рассказываю об этом, просто пишу. – Я взглянула на Марни. – Никаких розовых соплей.

– Ага, – кивнула она, не в силах оторвать от моей щеки расширенных от ужаса глаз, – все понятно.

Меня приняли. Вы спросите, как быстро найти друзей? Мой ответ: просто добавить драмы!

* * *

Я ужинала, со скрещенными ногами устроившись в одном из старых уютных кресел фирмы «Лейзи Бой», стоявших перед телевизором. В другом сидел Джерри с ведром из «KFC» на коленях и смотрел бейсбол. Он предложил мне жирную курицу, тем самым выполнив свои опекунские обязанности на этот вечер. Но я предпочитала только легкую пищу типа лапши быстрого приготовления и диетической колы.

– Мне предстоит длительный рейс, – сообщил Джерри, не отрывая взгляд от телевизора. – Полторы недели, может, две.

– Ладно.

– С тобой все будет в порядке?

– Конечно.

Как будто у меня имелся выбор.

В тот вечер я стояла перед зеркалом в ванной и рассматривала свое лицо. В свете паршивой флуоресцентной лампы мой изъян выделялся особенно четко. Бугристый шрам, начи-

[5] Ник Кейв – австралийский рок-музыкант, поэт, писатель, автор музыки к фильмам, сценарист. Лидер групп Nick Cave and the Bad Seeds, Grinderman, The Birthday Party, Boys Next Door.

нающийся под левым глазом и тянущийся идеальной, хоть и зыбкой линией к челюсти. Яркий и бледный одновременно.

В школе я соврала, что он остался после автокатастрофы, и мне поверили. А почему бы и нет? Я не давала поводов не доверять себе. История про аварию в разы гуманней правды: я взяла трехдюймовый шуруп и сама вырезала эту линию, чтобы прекратить ночные визиты дяди трижды в неделю.

Джаспер велел мне молчать, ничего не рассказывать, так что я решила показать.

И совершила ужасную ошибку. Эта выходка остановила Джаспера, но убила мою мать. Я изуродовала себе щеку, но с таким же успехом могла перерезать ей вены. Мама посмотрела на мою кровавую рану, выслушала, зачем я это сделала, и с тех пор ее не стало. Имея неустойчивую психику, она продержалась недолго. Ровно три дня она кричала и плакала за закрытой дверью спальни, пока дядю Джаспера не увезли в тюрьму. А потом моя мама совершила самоубийство.

Смазываю рубец холодным кремом. Я частенько использую разные средства из дешевой ночной рекламы, обещающие уменьшить шрамы или избавить от пятен. Они бесполезны, и если вдруг я не выиграю в лотерею, чтобы сделать пластическую операцию, тут уже ничего не поможет. Я проделала хорошую работу по уродованию собственного лица. Убила свою мать, сломала себе жизнь. И все одним выстрелом.

Неприятные воспоминания и тягостные раздумья. Они всегда просыпаются, когда я показываю кому-нибудь свой шрам.

Побочное действие, или посттравматическое расстройство, ну или что это еще может быть. К тому времени, как я умылась и почистила зубы, у меня уже тряслись руки.

Я лежала в кровати и представляла, что плыву по окруженному красивыми горами озеру со спокойной, словно покрытой льдом, поверхностью. Это помогало. Мрачные мысли начали расплываться как масло по воде, давая мне возможность заснуть.

Перед тем как окончательно отключиться, я увидела Эвана Сэлинджера.

Мы снова оказались на уроке истории Запада, он повторил свои действия, и мне вновь показалось, что на меня упал луч теплого света. Я хотела попросить его прекратить, но Эван повернулся и посмотрел на меня своими небесно-голубыми глазами. От желания стать объектом этого ясного и теплого взгляда у меня перехватило дыхание.

Он улыбнулся так, словно я не была ущербной, сломанной и опороченной собственным дядей.

– Спокойной ночи, Джо.

Я попыталась пожелать ему сладких снов, но уже уснула.

Глава 3
Джо

Прозвенел школьный звонок, и народ, который занимался по углубленной программе английского языка, начал потихоньку расходиться. Мисс Политано попросила меня задержаться. Эта молодая учительница собирала волосы в небрежный пучок и одевалась в богемном стиле, весьма нетипичном для учителя в американской глубинке. С неизменной книгой под мышкой и в сползающих на переносицу очках она выглядела так, будто ей самое место в библиотеке Сиэтла.

– Так Джо, – спросила она, широко улыбаясь, – сокращение от Джозефины? Как Джо Марч из «Маленьких женщин»?

Я кивнула.

– Это была любимая книга моей матери.

– Моя тоже, – сообщила учительница. – Думаю, лучшей тезки и не придумаешь.

Мои губы дрогнули, пытаясь изобразить вежливую улыбку, но я потерпела неудачу. Она же, несмотря на мое молчание, не потеряла нить разговора.

– Поскольку учебный год почти подошел к концу, мне трудно оценить твои успехи, – заявила она, добродушно улыбаясь. – Мне прислали работы из одной твоей бывшей школы, но этого недостаточно, чтобы получить представление о твоих знаниях.

Я пожала плечами, хотя внутри появилось неприятное ощущение.

– Хорошо. Что от меня нужно?

Мисс Политано присела на край стола. Я заметила, как она окидывает меня взглядом: спрятанное за волосами лицо, темная одежда и вызывающий взгляд. Ее улыбка стала мягче.

– Потребуются дополнительные работы, иначе я не знаю, как тебя аттестовать.

– Мне нужно окончить школу. Я *должна* выпуститься.

– Безусловно, – согласилась учительница, – но осталось слишком мало времени. Я не могу протестировать тебя. На данный момент мы анализируем литературу и уже наполовину закончили *«Когда я умирала»*.

«Когда я умирала». Мне знакома эта история. Я вообще много читаю в дороге. В этом романе главной героиней является умершая мать. Можно сказать, мне очень близко это произведение.

– Я нагоню программу.

Теплая улыбка мисс Политано начинала действовать мне на нервы.

– Не сомневаюсь, – ответила она. – Но даже если мы прибавим итоговую годовую работу, у тебя слишком много пробелов за год.

– Что вы имеете в виду? Мне придется посещать летнюю школу?

– Я не вижу, как этого можно избежать.

Она разгладила свою вязаную юбку, словно мы приятели, решающие одну задачу. Словно мы равны. Терпеть не могу, когда учителя притворяются равными, особенно если в их руках твое хрупкое будущее.

Мне казалось, мисс Политано неплохая, но если не даст возможности окончить школу, она может серьезно испоганить мою жизнь.

Я закусила губу.

– А что, если я подготовлю отдельный проект? Для проставления дополнительной оценки?

– Я тоже рассматривала такой вариант. Но твой проект должен произвести на меня впечатление.

У меня в сборнике имелось тридцать написанных стихотворений. Двадцать из них нормальные, а десять вполне приличных. Правда, не хотелось использовать их для всякой ерунды, тем более для проекта, но если это поможет мне окончить школу, то пусть они станут моими жертвенными агнцами.

– А как насчет поэтического проекта? У меня есть стихи, я могу показать их, а также вы могли бы дать мне еще парочку заданий.

Лицо мисс Политано просияло.

– Ты пишешь? Прекрасно. В начале этого года мы прошли целый блок по любовным стихотворениям и сонетам. Китс, Шекспир, Элизабет Барретт Браунинг… Возможно, у нас получится сосредоточить твой проект на этом.

– Я не пишу о любви, – сообщила, изо всех сил стараясь не скривить губы.

Учительница рассмеялась.

– Проект ведь не может быть легким, верно? Принеси мне завтра свои работы, и посмотрим, что можно сделать. Неплохо звучит?

Да, гораздо лучше, чем не закончить школу. Только вот я не верила в то, что ее удовлетворит моя работа. Я пишу в основном о матерях-самоубийцах, мертвых отцах и дядюшках-извращенцах, не упускающих свой шанс. Чувствую, облажаюсь я по-королевски.

Что мне известно о любви? Ни черта. То немногое, что я помнила, вырвано с корнями. Осталась лишь легкая дымка далеких воспоминаний, с каждым днем становившихся все более тусклыми. Мама… она была моим миром, ярким и цветным, а сейчас я едва могу вспомнить ее лицо.

Покидая класс английского языка, я ощущала боль в сердце и морально готовилась к летней школе.

* * *

В тот же день я прогуливалась по коридору с Марни и Адамом, а Эван Сэлинджер шел впереди нас, уткнувшись носом в книгу. На нем была черно-синяя клетчатая рубашка, потертые джинсы и рабочие ботинки. Штаны снова оказались испачканы в машинном масле, но в них задница Эвана выглядела чертовски привлекательно.

Джаред Пилтчер, мой нынешний приятель по поцелуям на перемене, прислонился к своему шкафчику, а рядом с ним стояли его друзья из футбольной команды. Здоровяки в джинсах и спортивных куртках. При приближении Эвана они начали пихать друг друга локтями.

– Ой, погоди, – произнес Адам, отводя меня в сторону.

Марни поджала губы.

– Через пять… четыре… три… – Когда Эван проходил мимо, Джаред выбил из его рук книгу. – Началось, – пробормотала Марни.

– Выбить книгу, – пробормотал Адам, – как оригинально.

Ни он, ни Марни даже не шелохнулись, чтобы помочь Эвану. Они просто наблюдали. Как и все остальные присутствующие в коридоре. Как и я.

Эван опустился на колени, чтобы поднять книгу.

– Отвали, Джаред.

– Оно живое! Живое! – засмеялся Джаред.

Мэтт Кинг, полузащитник, раскинул руки подобно чудовищу Франкенштейна, застонал и пошел вразвалку. Другой спортсмен прижал пальцы к вискам и зажужжал, а после притворился, будто бьется в конвульсиях из-за прошедшего сквозь тело тока.

– Что за чушь? – наклонилась я к Марни.

– Эван провел время в Вудсайде, – прошептала она, – психиатрической лечебнице в Хэлстоне.

– Да, я слышала. И что с этого?

– Ты видишь вот то пугало, стоящее вместе со спортсменами?

Я обратила внимание на тощего парня с измученным лицом, в костлявых руках держащего изогнутую трость. Карлик. Отброс.

– Да.

– Шейн Сэлинджер. Выпускник, как и Эван. Он рассказал всем, что в Вудсайде Эвана лечили ЭСТ [6].

– ЭСТ… ты имеешь в виду электросудорожную терапию? – Марни кивнула. – А это правда? – спросила я.

Она пожала плечами и сухо улыбнулась.

– В этом и заключается все величие и скверность слухов. Они не обязаны быть правдой, чтобы существовать.

Подняв голову и глядя строго перед собой, Эван покинул коридор. Шейн Сэлинджер смеялся вместе со всеми, только в два раза громче.

– Ха! Молодцы, ребята!

Спортсмены проигнорировали его похвалу. Шейн, без сомнения страдающий каким-то дегенеративным заболеванием, своим истощенным телом медленно подвинулся ближе к стоящему рядом огромному парню. Так, словно искал защиту у здоровяка с такими же соломенными волосами, только выглядящего в десять раз мускулистее, с прыщавой кожей и тусклыми невыразительными глазами.

Я кивнула в его сторону.

– А это кто?

– Еще один брат Сэлинджера, Мерл, – ответил Адам, – младший. Шейн ходит за ним по пятам. Пытается бегать вместе с большими собаками. Кстати, Мерл и есть большая собака. Он хорош в футболе. – Марни кивнула, и мы пошли дальше. – Единственное, что удерживает Шейна от того, чтобы спуститься к нам, в самый низ пищевой цепочки, – это Мерл. Ну и слухи, которые Шейн распускает об Эване, развлекая умников.

– Почему Шейн поливает грязью Эвана? Разве они не братья? – нахмурилась я.

– Он приемный, – пожал плечами Адам.

– И что с того?

– Они не одной крови. Шейн терпеть не может Эвана. На полном серьезе ненавидит.

– Видимо, это испытывают многие, – пробормотала я себе под нос.

Сделав шаг, я поняла, что мои новые друзья остановились и с тревогой смотрят на меня. Я бросила на них недовольный взгляд.

– Что?

– Не лезь туда, – предостерег Адам. – Надо отдать должное, Эван Сэлинджер – соблазнительный парень. Сильный, молчаливый тип. Но стоит попасть в поле его зрения… – Он театрально вздрогнул.

– Согласна, Эван горяч, – призналась Марни. – Хотя, как по мне, немного скучноват и *странен*.

– А мы разве нет? – пробормотала я.

Марни, казалось, не услышала.

– Ты когда-нибудь проходила под линиями электропередачи? Когда чувствуешь, как волосы на руках встают дыбом и слышишь исходящий от проводов гул?

Я с недоумением посмотрела на них.

– Да, и что?

---

[6] Электросудорожная терапия (ЭСТ) – метод лечения в психиатрии, при котором пациенту пропускают ток через головной мозг с целью достижения лечебного эффекта.

– Постой как-нибудь рядом с Эваном, – посоветовал Адам.

– Рядом с ним я ощущаю покалывание на коже, – кивнула Марни. – Мягко говоря, он отравляет общество.

– Почему? – рявкнула я. – Только из-за того, что находился в психиатрической больнице? Неужели вся школа настолько неадекватна, чтобы *годами* доставать его из-за этого?

– Мило, что ты переживаешь, но абсолютно неуместно, – с серьезным видом заметил Адам, положив руку мне на плечо.

Я отмахнулась от него.

– Эван попал туда не просто так, – пояснила Марни.

– Так что произошло? – нетерпеливо поинтересовалась я. – Дело в нервном срыве, который произошел на уроке?

Друзья обменялись взглядами.

– Что-то типа того, – подтвердила Марни.

– О, если бы все было так просто, – трагическим тоном проговорил Адам.

Я постаралась не закатить глаза от нетерпения. Звонок прозвенит в любую секунду, и тогда я останусь в неведении.

– Так и что же *случилось*?

– Примерно три года назад, буквально через несколько месяцев после того как Сэлинджеры усыновили Эвана, на фабрике неподалеку от Джефферсона произошла перестрелка. Шесть человек погибли, тринадцать получили ранения.

Мои глаза расширились.

– Эван замешан в этом?

Это бы объяснило его плохую репутацию и не только.

– Косвенно, – согласилась Марни. – Но как раз в то утро Эван начал сходить с ума, звать на помощь, кричать на кого-то, кого видел только он, чтобы они прекратили то ужасное дерьмо, которое делали. Все это происходило *одновременно* со стрельбой на фабрике.

Не сумев сдержаться, я закатила глаза.

– Серьезно? Совпадение…

– Да, можно подумать и так. Вот только Эван, видимо, знал раньше всех остальных о том, что случилось в Джефферсоне. Кроме него никто ни черта не знал.

Я скрестила руки на груди. Эта история, на мой взгляд, являлась полной ерундой, но я подыграла.

– Так он экстрасенс, что ли? Как он узнал?

– В том-то и загвоздка, – сказала Марни. – Эвана сто раз допрашивали, а он все твердил, что ему было *видение*.

Адам покачал головой.

– Приехали копы, отвезли парня к врачу, и, судя по всему, он поведал доктору подробности своих видений.

– Например?

И тут прозвенел первый звонок.

– Продолжение следует, – заявила Марни, положив руку мне на плечо. – А пока помни, что он отравляет общество. Если начнешь общаться с Эваном Сэлинджером, мы не сможем предотвратить последствия.

Адам согласно кивнул, и они отправились в класс, оставив меня с сотней крутящихся на языке вопросов.

Я вздохнула. Долбаные интриганы.

Направляясь на следующий урок, я вспомнила, как Марни рассказывала об ощущениях рядом с Эваном. Как подруга сравнила их с проходом под линией электропередачи.

«Нет, ощущения совсем другие, – подумала я. – *Не покалывание, а прикосновение теплого луча света… даже если он на тебя не смотрит».*

Глава 4
Джо

Весь урок математического анализа я не переставала думать об Эване. Лет с тринадцати меня перестали волновать другие люди. Однако этого парня я жалела. Не потому, что провел время в психушке, просто он остро в этом нуждался. Видимо, он достиг критической точки. И я как никто понимала его. Сама побывала в подобном состоянии и в память об этом носила шрам.

Когда в тот день Джаред за трибунами возился под моей юбкой, я спросила его об Эване.

– Что? – Он даже остановился, недоуменно уставившись на меня. – А *что с ним*?

– Почему вы, ребята, достаете его?

– Он фрик.

– Мне он кажется вполне нормальным.

– Он психически нездоров, и ему не место в школе.

Джаред сосредоточился на своей добыче, словно маленький мальчик, роющийся в банке с печеньем.

– Он лжец и сумасшедший.

Джаред становился все более настойчивым, и меня резко затошнило.

– И вообще, тебе-то что? – спросил он, крепко вцепившись в мою руку.

– Нет, – заявила я, больно укусив его за шею.

Джаред оторвался от меня.

– Какого черта?

«Мои условия. Мои правила. Мои решения».

Эти слова пронеслись в голове подобно мантре, и я заставила свою руку протянуться к парню, а не от него.

– Тебе нужно успокоиться, – заметила я, потянувшись к молнии на его ширинке. Да и мне нужно остыть. Потому что этот чертов выбор мой.

Джаред снова придвинулся ко мне.

– Просто давай без засосов. Лейни заметит.

Я просунула руку ему в штаны.

– Я постараюсь быть поаккуратней.

– Хорошо.

Он собрался опустить меня на колени, но я и сама уже опускалась.

* * *

Я покинула поле без четверти четыре. Когда подошла к велопарковке, солнце клонилось к горизонту, и школа уже опустела. Мой велосипед стоял рядом со ржавой рухлядью, которую, видимо, кто-то выбросил.

Я сняла противоугонку и почти взгромоздилась на сиденье, когда мой желудок неожиданно взбунтовался. Меня едва не стошнило.

«Боже, успокойся!»

Такого прежде не случалось, хотя и *прежде* я проводила время с парнями. Часто в самых разных укромных уголках: на трибунах, в кладовках и на задних сиденьях машин. Так почему же именно сегодня мое тело решило воспротивиться?

Я сделала несколько глубоких вдохов, напоминая себе, зачем вообще занимаюсь этим дерьмом с такими парнями, как Джаред Пилтчер. Я не жертва. Я решаю, когда и сколько. Прямо как чертова Вивьен из «*Красотки*».

Доехав до ближайшего магазина на углу, я купила «Гаторейд» [7] и мятные конфеты. Прежде чем направиться домой, выпила полбутылки напитка и съела три леденца. К счастью, и мне, и моему желудку удалось успокоиться.

В доме царила тишина, ведь Джерри был на работе. Между коробками с нашими скудными пожитками я протиснулась к себе в спальню. Закрыв дверь, села за письменный стол с видом на соседский двор и достала блокнот.

У меня появилась идея. Пара предложений, которые, возможно, станут стихотворением.

И следует записать их прежде, чем они вылетят из моей головы или утонут в постыдных воспоминаниях.

Я не хозяйка телу своему,
Мне дядя показал,
ему «спасибо».
Интимно, тайно,
под покровом ночи
каждый кусочек тела
опорочен.
Урок усвоен: добровольно
Сама отдайся,
притворись: не больно.

[7] «Гаторейд» (Gatorade, *англ.*) – общее название серии изотонических напитков, производимых компанией PepsiCo.

Глава 5
Эван

Появись у меня возможность больше никогда не слышать скрежет ложек и вилок о тарелки, я бы умер от счастья. Этот звук – постоянная фоновая мелодия во время завтрака, обеда и ужина в доме Сэлинджеров. Каждый прием пищи превращается в нескончаемый скрежет. Песня для семьи, которой не о чем друг с другом говорить. За исключением маленького Гаррета. Его тоненький голос похож на флейту, доносящуюся сквозь скрежет. Сегодняшний ужин ничем не отличался от других.

Норма с поджатыми губами сидела на одном из концов стола, наблюдая за происходящим, и молча ела. Харрис на другом конце накладывал еду так, будто закидывает уголь в топку. Пища для него – всего лишь топливо. Рядом с его тарелкой лежала раскрытая газета. По бокам расположились Мерл и Шейн, сидящие рядом друг с другом, а Гаррет и я – напротив.

– Эй, Эван, поиграем завтра после школы в мяч? – поинтересовался Гаррет. На его милом круглом личике отражалась нескрываемая нежность по отношению ко мне. В груди защемило. Мой младший девятилетний брат оставался единственным человеком во всем Планервилле, который не смотрел на меня как на прокаженного.

– Конечно, приятель. С удовольствием.

– Ты нужен мне в мастерской, – заявил Харрис, не отвлекаясь ни от бефстроганова, ни от газеты, – сразу после школы.

Шейн бросил на меня убийственный взгляд, а затем с жалобным стоном повернулся к отцу.

– Я думал, в этот раз моя очередь. Ты же сам обещал на прошлой неделе.

Харрис посмотрел сначала на Шейна, потом на меня, а затем вернулся к тарелке.

– Это напряженная неделя. Мне понадобится Эван.

– Конечно, – согласился я.

Меня захлестнула едва сдерживаемая буря ярости Шейна, но я ничего не мог с этим поделать. Харрис никогда не менял принятых решений, но это не останавливало Шейна мне мстить.

Гаррет поник, и мне захотелось взъерошить его светлые волосы.

– В следующий раз, приятель, ладно?

– Хорошо, – тут же просиял он и принялся рассказывать о научной ярмарке в начальной школе.

Шейн, скрестив руки на груди, сидел в угрюмом молчании, словно капризный маленький ребенок. Он страдал рецидивирующе-ремиттирующим рассеянным склерозом [8], пока в рецидивной форме. Болезнь сделала его слабым, тощим и живущим в вечном страхе и ожидании худшего.

Я с ужасом наблюдал, как недуг оказывает на моего приемного брата не только физическое, но и психологическое воздействие. И меня бесило, что родители лечат его только от телесных симптомов. Шейн постоянно вымещал на мне свои страх и неконтролируемую ярость. В моем лице он видел соперника, который крадет его будущее в автомастерской, ведь я был здоров и силен. Более того, он превратил мою школьную жизнь в сущий ад. Я в очередной раз напомнил себе, что он напуган. Шейн сражается в заранее обреченной на поражение битве, и

[8] Рассеянный склероз – хроническое заболевание нервной системы, развивающееся у лиц преимущественного молодого возраста. В среднем через 15 лет после начала заболевания только половина пациентов сохраняет способность работать, обслуживать себя и самостоятельно передвигаться.

я ненавижу, что он вынужден страдать. Я догадывался, что после моего попадания в психиатрическую лечебницу Сэлинджеры будут делать вид, что у других двоих детей все нормально.

Шейн использовал Мерла в качестве атакующего пса и телохранителя одновременно, словно мне не хватало того дерьма, что я пережил в Вудсайде. Он науськивал младшего и с его помощью вымещал на мне свою злость. И пусть Мерл родился всего на год позже нас, но отставал в развитии он на лет пять точно и был счастлив услужить. Отсутствие у него мозгов с лихвой компенсировалось силой, а Шейн любил натравливать его на меня как до, так и после школы. На работе я часто появлялся в окровавленной рубашке или с фингалом, представая перед клиентами в неподобающем виде. Харрис терпеть этого не мог.

Я заметил, как Шейн толкнул Мерла локтем, и здоровяк кивнул, запихивая еду в свою огромную тушу. Волосы у меня на затылке встали дыбом.

– Мальчики, посуда, – напомнила Норма.

Все как по команде встали, только родители ушли в гостиную смотреть телевизор, а мы остались убираться.

Едва Норма скрылась из виду, Мерл прижал меня к стене кладовки, своим толстым предплечьем сильно сдавив горло. Шейн ухмыльнулся.

– Ты считаешь меня слепым? Думаешь, не понимаю, что ты делаешь? Этот гребаный бизнес – *мой* и Мерла. Мы кровные сыновья, не ты.

Я оттолкнул здоровяка и приготовился защищаться: мышцы напряглись, а нервы натянулись, словно струна.

– Уймись, Шейн, – произнес я, – просто, мать твою, хватит.

Я попытался пройти мимо парней, чтобы закончить на этом, однако Мерл схватил меня за рубашку и оттолкнул назад. Я откинул его руку, и мы уставились друг на друга. В поросячьих глазках Мерла горела только глупая ненависть, навязанная Шейном. Гаррет, переминаясь с ноги на ногу и теребя нижнюю губу, стоял позади нас в центре кухни, освещенной флуоресцентным светом.

– Я не хочу драться, и бизнес мне не нужен, – сообщил я. – После выпуска я уеду.

– Черт возьми, лучше бы это действительно было так, я считаю секунды, – выплюнул Шейн.

Он тяжело оперся на трость и повернулся, чтобы уйти, оставляя нас с Гарретом наводить порядок. Мерл, разочарованный несостоявшимся кровопролитием, медленно последовал за ним.

В этот раз они слишком легко уступили. Обычно дело доходит до драки, во время которой Мерл ведет себя как пес, жаждущий сорваться с поводка. Словно лишь Шейн удерживает его от того, чтобы убить меня.

Пусть звучит нелепо, но именно это я *ощущал* раз за разом. Да и наши схватки мало походили на братские потасовки, больше напоминая битвы не на жизнь, а на смерть.

– Знаешь, что я думаю? – сказал Гаррет, убирая посуду, которую я вытирал. – Шейн напуган.

– Из-за чего? – спросил я.

– Он тебя боится. – Я напрягся, гадая, не собирается ли он завести разговор о стрельбе на фабрике. Для меня эта тема была такой же, как для волшебного мира имя Волан-де-Морта. Я не упоминал этот случай вслух и старался не думать о нем. Но как бы ни пытался притвориться, что ничего не случилось, сколько бы лет ни старался забыть эти гребаные ужасные дни, каждый человек в этом проклятом городе обсуждал эту историю и помнил о ней. – Он боится, что папа отдаст тебе автомастерскую, – пояснил Гаррет, – перепишет на твое имя.

– Не говори так, – предупредил я, оглядываясь. – Если Шейн услышит, то устроит тебе ад.

От одной только мысли, что Шейн обидит Гаррета, к горлу подкатила тошнота. Это в разы хуже того, что он натравливает на меня Мерла.

Мальчик кивнул.

– Мой учитель говорит, что хулиганы боятся. Они становятся злыми оттого, что напуганы.

– Они все равно злые.

Захотелось покрепче обнять Гаррета, но я сдержался. После Вудсайда никто не прикасался ко мне, как и я к ним, словно эмоциональные срывы заразны.

Когда мы закончили уборку на кухне, Гаррет отправился в гостиную к родителям, которые смотрели телевизор. Оттуда слышался смех ситкома. Мерл, вероятно, играл в GTA в своей комнате. Шейн занимался тем же, чем и всегда – лежал и ненавидел жизнь. Несмотря на острый ум, он перестал учиться. Наверное, решил, что в этом больше нет смысла, ведь болезнь неизбежно начнет прогрессировать. Ужасно осознавать, что он сдался. По дороге в свою комнату я поймал себя на мысли, что хочу поговорить с Шейном. Добиться хотя бы перемирия. Или донести до него, что нет причин ненавидеть меня.

Я помедлил возле его двери, но в итоге прошагал дальше. Может, ему это нужно. Вероятно, наши стычки лучше, чем если он будет держать в себе весь негатив, съедающий его не хуже болезни.

Окна моей спальни выходили на улицу. Войдя, мне пришлось обогнуть книжные полки, чтобы лечь на стоящую под окном кровать. Моя комната и убежище. Кровать, письменный стол, стул и комод. Повсюду книги. До тех пор, пока деньги и ожидание не превратят мой побег в реальность, книги – мое спасение.

Они да еще построенный прошлым летом аквапарк.

Мы посетили его всей семьей, когда он только открылся, и я возненавидел это место. Шум, толпа народа и бурлящие потоки. Я плавал в маленьком бассейне с пятьюдесятью другими людьми и думал, что тону. Но вечером, в одиночестве, когда водная гладь становится тихой и спокойной… он прекрасен. Не знаю, почему пришел в аквапарк в первый раз, но с тех пор я там бываю часто.

В окно я наблюдал, как сгущаются сумерки. Ждал.

К девяти часам вечера в доме воцарилась тишина: Норма и Харрис рано вставали.

Они никогда не заходили в мою спальню. Я спустился вниз и вышел через заднюю дверь. По подъездной дорожке прошагал мимо гаража на улицу.

Сквозь темноту, густую и душную, я почти бегом добрался до аквапарка «Фантаун». Легко перелез через забор, ведь занимался этим последние четыре месяца каждый вечер.

На территории никого не было. Три горки – маленькая, средняя и высокая – закрыты. Водяные пушки, арки и разбрызгиватели хранили тишину. Работающие здесь скучающие подростки ушли. С наступлением зимы аквапарк закроют и, скорее всего, станут тщательнее охранять. Я поежился от этой мысли, но потом напомнил себе, что зимой меня здесь уже не будет.

Я направился в северо-восточную часть, к предназначенному для взрослых прямоугольному бассейну, где иногда проводились частные уроки. Пятьдесят футов в длину и девять в глубину, но мне этого хватало. Я скинул ботинки, стянул носки и джинсы. Одетый только в боксеры и футболку, прыгнул.

Прохладная вода коснулась кожи. Плывя на глубину, я чувствовал спокойствие и умиротворение. Держась на поверхности неподвижно, каждый раз вдыхая все глубже и глубже, я старался очистить разум. Потом быстро подготовился и нырнул под воду.

Подводные огни отбрасывали слабый свет в полумраке, придавая всему вокруг зеленоватый оттенок.

Я старался не двигаться, размахивая руками, чтобы не всплыть, но сохранить запас кислорода.

Так и не вынырнув, я зажмурился. Не знаю, что пробудило мою память, но старое воспоминание заиграло как в кинохронике.

Огромный мужчина, рослый, как самое высокое дерево. Маленький мальчик лет трех на вид, не мигая, смотрел на него.

Смущенно улыбаясь, мужчина положил руки на колени и низко наклонился.

– Откуда ты взялся, малыш?

– Вы пожарный? Мама сказала мне найти пожарного. Она говорила, что если случилась беда, то он сможет помочь. – Слова вырывались вместе с едва сдерживаемыми рыданиями.

– Я пожарный. Просто без формы.

Мужчина окинул взглядом грязный комбинезон мальчика, его растрепанные волосы и заметил приколотую к рубашке записку. Он надеялся, что его догадка ошибочна.

– Где сейчас твоя мама?

Лицо малыша сморщилось, из глаз потекли слезы, которые он снова попытался сдержать.

Мужчина выпрямился и огляделся, молясь, чтобы сейчас прибежала ужасно взволнованная мама этого ребенка и окликнула мальчика, благодаря бога, что с ним все в порядке…

Мужчина открепил записку от детской рубашки.

«Позаботьтесь о нем, пожалуйста. Пожалуйста».

У мужчины защемило сердце. Он крикнул:

– Гарри? Позвони Глории в полицию. У нас тут нестандартная ситуация.

Из гаража вышел еще один крупный мужчина, выглядящий явно встревоженным.

– Ты серьезно?

– Да, – ответил первый. Он показал записку Гарри и опустился на колени перед ребенком.

Ему хотелось обнять малыша и пообещать, что все будет хорошо, но это была ложь. Он положил свою тяжелую, мощную руку на детское плечо.

– Ты когда-нибудь видел настоящую пожарную часть, малыш?

– Нет, – ответил мальчик, тыльной стороной ладони вытирая нос.

– Ну, тогда давай я тебе покажу. Проведу большой тур. Согреешься и, может, перекусишь.

Ребенок кивнул и взял его за руку, легонько сжав.

Мужчина крепко удерживал ее, терпеливо ожидая, когда мальчик вновь сможет заговорить.

– Как тебя зовут, малыш?

– Эван.

В груди сдавило, и я открыл рот, едва не наглотавшись жидкости. Задыхаясь, я вынырнул на поверхность. Воспоминания отступили, лишь когда я закончил вытирать лицо. Осталась только глубокая, опустошающая боль.

Я вдохнул глубже, жадно наполняя легкие кислородом. Хороший знак. «*Должно быть, я пробыл под водой больше трех минут. Наверное».*

Засечь время я не мог. Телефон у меня был старый, и я боялся даже близко подносить его к бассейну. Если он сломается, мне придется купить новый. А деньги мне нужны все, до последнего цента, чтобы к чертовой матери убраться из Планервилла.

Я вдохнул, вытерся и позволил воспоминаниям о пожарной части раствориться. Не имею права оглядываться назад, мне следует смотреть только вперед.

Всего несколько недель, и я сбегу из этого города, от всех, кто меня знает. Уеду куда-нибудь и поселюсь на берегу озера, океана или реки. Один. И никогда больше не буду чувствовать себя так, как сейчас. Никто не будет знать меня. Начну все с чистого листа. Забуду о репутации фрика, о пребывании в психиатрической лечебнице, о подозрительных и ненавидящих взглядах. Все сначала. Стану новичком в другом месте.

Я буду свободен.

Глава 6
Джо

Утром я занесла мисс Политано свои стихи, а перед обедом заглянула к ней, чтобы услышать мнение. Когда я вошла, она посмотрела на меня и улыбнулась. Мне стало страшно. Я привыкла, даже внутренне всегда готова, что учителя обращают внимание на содержание моих стихов, а не на талант, если он, конечно, есть. По закону учителя обязаны сообщать о жестоком обращении с детьми, если у них имеются подозрения. Мне всегда приходилось объяснять, что события произошли пять лет назад и основные действующие лица уже мертвы.

Мисс Политано попросила подвинуть стул к первой парте, а мои стихи лежали перед ней. Некоторые листы были потрепаны временем и залиты слезами. Другие находились в хорошем состоянии. Стихотворение «Гильотина» являлось данью моему шраму и сейчас находилось в самом центре.

– Джо, я прочла твои стихи, – тихо произнесла учительница. – И я под впечатлением. Они меня сильно тронули. Выжившие достойны уважения, и я тебя уважаю. – Я уже собралась откинуться на спинку стула, вздохнуть и закатить глаза, но она подняла руку. – Эти стихи – изящное напоминание о твоем прошлом. Я восхищена. Их суровость… – женщина запнулась, подбирая верные слова, – в них сила твоего духа. Я прочувствовала все, что ты хотела показать читателю, и считаю, что это отличительная черта великой поэзии.

Я заправила волосы за ухо.

– Ну, хорошо. Спасибо. Означает ли ваше одобрение то, что я смогу окончить школу?

Аттестат мне требовался больше, чем признательность. Хотя следует отметить, что приятно было слышать, что мои стихи не отстой.

Мисс Политано откинулась на спинку стула и положила руки на стол.

– Я придумала проект, который удовлетворит академические пробелы в твоем обучении. В начале этого года мы проходили романтическую поэзию. Китс, Браунинг.

– Да, вы упоминали об этом, – проговорила я, кажется, резче, чем рассчитывала.

Она лишь улыбнулась.

– Я думала дать задание на чтение, но решила, что будет лучше, если ты напишешь любовное послание или стихотворение.

– Любовное послание? Кому?

– Здесь уже тебе решать. – Учительница наклонилась над столом. – В своих работах ты продемонстрировала очень личную боль, Джозефина. Твои стихи грубые, но искренние и, честно говоря, тяжелы для восприятия. Но они подходят. Я вижу, что ты легко справляешься с моим предметом, хотя он непрост. Однако мне бы хотелось увидеть от тебя что-нибудь иное.

– На другую тематику, – резюмировала я.

– Да, думаю, тебе пойдет на пользу напрячь свои способности. Разведать новую территорию.

– Я никого не люблю, мисс Политано, – решительно заявила я. – Больше нет. Мне нужно закончить школу. Так что, если для этого требуется написать любовное послание, хорошо. Напишу сотню, если нужно. Я умею подстраиваться под ситуацию. Но если вы хотите, чтобы я вспомнила лучшие времена и солнечные дни в моей жизни, оставьте это.

Образовалась короткая пауза.

– Очевидно, советчиков нашлось немало. Так ведь? – поинтересовалась она, постучав пальцами по «Гильотине».

– Можно и так сказать.

– Кто-нибудь смог предложить способ, который облегчил бы твои переживания?

– Немного, – призналась я, – но я переезжала настолько часто, что до сногсшибательных событий не доходило.

– Ты посещаешь психолога?

– До переезда сюда я узнавала о такой возможности. Мне сказали, что местный психолог по уши увяз в работе с абитуриентами в университет, – как можно небрежнее произнесла я.

Боже, зачем я разболтала о том, что наводила справки? Почему наклонилась к ней так, будто учительница – огонь, а я жутко замерзла?

– Не исключено, – согласилась она. – Можешь приходить ко мне раз в неделю или чаще в рамках поэтического проекта.

– Зачем?

– Мы будем обсуждать твои стихи. Анализировать их с литературной точки зрения.

Не будучи глупой, я прекрасно понимала скрытый в ее словах смысл. Защищаясь, мне хотелось заявить мисс Политано, что это не ее дело, и посоветовать быть учителем английского, а не кабинетным психологом.

Только вот разбитые осколки внутри меня едва слышно молили о помощи и тянулись к тому, что она предлагала. Я сама себе казалась Чарли Брауном [9], который уже рядом с мячом, готов пнуть его, думая: «*Вот оно! Наконец-то!*» А та сучка, Люси, постоянно его отбрасывает. Можно предположить, что после стольких провалов Чарли поумнеет, но нет. И этим я походила на него. В первой попавшейся протянутой мне руке видела возможность и стремилась к ней всем сердцем. Мне хотелось бежать к ней со всех ног. Пульс учащался, а надежда буквально душила. Очевидно, в глубине души я нуждалась в помощи.

Однако мы с Джерри слишком часто и быстро переезжали. Он отбирал у меня всякую возможность на спасение, и я оставалась лежать в нокауте. Ветер сбивал меня с ног, и мне приходилось подниматься и начинать все сначала.

Но уже слишком поздно, чтобы начинать эти игры с мисс Политано. Время почти вышло.

– Если вы действительно хотите мне помочь, то позвольте закончить школу. Я напишу любовное послание, но на этом все. Я просто… устала.

Раздался звонок, означающий конец перерыва. Я встала и закинула сумку на плечи. Учительница собрала мои стихи в папку и протянула ее мне, глядя на меня мягко, но разочарованно. Немного даже встревоженно.

– Мне не терпится посмотреть на результат.

– Мне тоже.

Что-то в этом было. Для меня сочинять любовное послание в стихах или прозе – все равно что взбираться на темный пыльный чердак, в царство паутины и грязи. Тесное, забытое и давно нетронутое помещение. Серое и никому не нужное.

В обеденный перерыв я сидела за столом вместе с коллективом *Mo Vay Goo,* но не ела и не участвовала в беседе. Краем глаза я осматривала столовую, пока мой взгляд не наткнулся на Эвана Сэлинджера. Он расположился на своем привычном месте – на скамейке у кирпичной стены. Над ним находилось окно, и свет оттуда давал ему возможность читать. Эван уткнулся носом в книгу, поглощая сэндвич из пакета.

Сейчас, в солнечных лучах, он был прекрасен. Когда Эван наклонился к коленям, волосы упали на его лицо, и я завороженно наблюдала за тем, как он рассеянно их убирает. Меня в очередной раз поразило, что он является местным фриком.

Я посмотрела на стол, где расположились популярные ребята: спортсмены, группа поддержки, кружок «4Н». На первый взгляд казалось, что Эван Сэлинджер принадлежит к их числу. Я с легкостью могла представить, как он разговаривает и смеется вместе с ними, обни-

[9] Чарли Браун – персонаж популярного американского комикса и одноименного мультфильма Peanuts (Мелочь пузатая). Чарли Брауна описывают как милого неудачника, обладающего бесконечной решимостью и надеждой.

мая за плечо какую-нибудь девушку. Не сомневаюсь, что их выбрали бы королем и королевой бала.

Выглядело абсолютным абсурдом, что он вынужден плыть по течению мимо островков безопасности в виде столов в школьных буфетах. У Эвана не имелось своего острова. Даже чудаки его избегали. Даже моя компания неудачников держалась от него подальше. Если кому-то и следовало взять парня под свое крыло, то именно нам. Ведь именно мы могли показать всем остальным средний палец. Однако Марни предупредила, что у меня будут неприятности, если я брошу ему спасательный круг.

Поэтому я задавалась вопросом, стоит ли оно того.

За моим столиком Адам вещал о программе «Голос» и против кого, по его мнению, проголосуют. Марни болтала о выпускном, что он, конечно же, чертовски глуп, но она все равно собирается туда пойти. Все мы знали, что с тех самых пор как Логан Гринвей пригласил ее, она очень взволнована этим событием. Я перестала их слушать, увлеченная Эваном Сэлинджером. Меня заинтересовало, что он читает. Я попыталась рассмотреть корешок книги, но тот находился достаточно далеко. Парень поднял голову, словно кто-то окликнул его по имени. Я затаила дыхание. Какая-то глупая часть меня требовала, чтобы парень обратил взгляд в мою сторону.

И он посмотрел.

И улыбнулся.

Мое проклятое сердце остановилось. Я почувствовала жар во всем теле, а улыбка Эвана словно поймала меня в ловушку. Он взирал на меня с нежным любопытством. Что-то типа: «Привет, как дела?». Этот взгляд мог бы меня успокоить, если бы сначала не вывернул наизнанку.

Я таращилась на Эвана добрых три секунды, окутанная его теплом, затем вздрогнула и вырвалась из ловушки. Спрятавшись за волосами, я отвернулась. Когда жар покинул тело, я, все еще укрываясь за волосами, посмотрела туда, где сидел парень.

Он ушел. Луч света теперь освещал пустоту, и все, что осталось, – лишь колышущиеся в воздухе пылинки.

* * *

Мы с Джаредом договорились встретиться после школы за трибунами. Под выражением «договорились встретиться» я имею в виду, что в читальном зале он бросил на меня вопросительный взгляд, а я кивнула. Но когда подошло время, я не испытывала желания.

– Извини, я сегодня не в настроении.

Джаред, благослови господи его маленькое сердечко, пялился на меня в полном недоумении, словно не мог сообразить, при чем тут мое настроение. Однако он не был совсем уж мерзавцем. И пусть он изменял своей девушке и доставал Эвана Сэлинджера, но отступил, когда я сказала «нет».

Джаред вздохнул и поправил свое достоинство.

– Только впустую потратил время. Вместо этого мог бы пойти с ребятами в пиццерию «Спинелли».

– Прости.

Он склонил голову набок, и копна непослушных каштановых волос упала ему на глаза. Большинство девушек в Уилсоне находили это притягательно неряшливым. Джаред пристально посмотрел на меня, вероятно, впервые с тех пор, как мы начали встречаться.

– Знаешь, тебе повезло, что я вообще уделяю тебе время.

– Да ладно? – выгнула я незакрытую волосами бровь.

– Я считаю тебя по-настоящему хорошенькой. С той стороны, где нет шрама. Без него ты была бы горячей. Как ты его получила?

Я решила покрутить колесо трагедии. Ну, пусть будет землетрясение.

– Я навещала семью в Сан-Франциско. Там же землетрясения. Я стояла у огромного окна, когда оно началось, шесть с половиной баллов. Окно разлетелось вдребезги. Я оказалась в ненужное время в неправильном месте.

Джаред тихо присвистнул.

– Черт. Отстой.

– Да, – согласилась я, – что есть, то есть.

* * *

Разговор о моем шраме снова вызвал гадкие воспоминания о его появлении. Джаспер, шуруп, которым я порезала лицо, арест дяди, а потом моя мать.

Я нашла ее в ванной. Посреди ночи проснулась от боли в забинтованной и зудящей щеке. Поплелась из своей комнаты в санузел, чтобы пописать. В руках я держала любимую игрушку – голубого кита, хотя и уже выросла из детского возраста. Сонно толкнула дверь.

Я не сразу заметила маму. Только обрывки картины: брызги крови на белом кафеле. Мой мозг разбил этот момент на кусочки и преобразовал в новую рифму стихотворения, которое мы в тот месяц изучали в школе.

Так много зависит
сейчас
От ее пустых
стеклянных глаз
и белой кожи
в алой воде —
С тех пор я вижу их везде.

Изображение, склеенное из двадцати двух слов. Рифмы, поэзия… с тех пор они стали моим защитным механизмом, когда терапия носила периодический характер или вовсе отсутствовала. Утешительный приз – обнаружить художественную страсть в ужасной трагедии. Смерть матери разделила мою жизнь на две части. Пропасть, оставшаяся позади, оказалась настолько глубокой и широкой, что мне просто не удавалось разглядеть берег своего прошлого. Спрятанный за серым и плотным туманом, он был утерян для меня. Мама… она покинула меня, как и все наши счастливые воспоминания до Джаспера. Все это осталось на том запертом от меня берегу.

Я могла бы прыгнуть в эту пропасть вместе с ней, но решила продолжать свой путь дальше.

Не могу сказать, что поступила правильно.

Я оделась, зашнуровала ботинки, схватила блокнот и выскользнула в окно. Знала, что если улизну, меня не кинутся. Скорее рак на горе свистнет, чем Джерри *придет в голову идея* зайти в мою комнату и проверить, на месте ли я. Он, наверное, храпит в кресле перед телевизором, а очередное ведро с блюдом из «KFC» упало с его колен.

Я направилась на восток, к окраине города, где располагался новый аквапарк. Ночь выдалась жаркой. Уличные фонари разрезали темноту бледно-желтыми облачками. Мотыльки бились о лампочки. Смесь звуков, издаваемых в конце весны саранчой, сверчками и другими насекомыми, обитающими в этой части страны, превращалась в безжалостную какофонию.

Но то были единственные звуки. Ни одной проезжающей мимо машины. Всего девять часов вечера, а Планервилл уже спит.

Подойдя к «Фантауну», я перелезла через задрапированный зеленым брезентом высокий забор и оказалась на другой стороне. И пусть горки и распылители давно выключили, но территория хорошо освещалась. Новые лампы, установленные на одинаковом промежутке друг от друга, оставляли включенными, чтобы отпугивать нарушителей. Таких, например, как я.

Я миновала горки-туннели, извивающиеся, словно змеи. Не могу сказать, что они меня пугали. Воспоминание о маме в ванной исчезло. Вместо этого я вспомнила наше совместное путешествие на остров Тайби, когда мне было четыре года. Серое, как кусок заплесневелого хлеба, воспоминание, но всяко лучше, чем ванна.

Мы строили замки из песка, бесились в грязи. Трудно вспомнить все, но я слышу отголоски ее смеха, больше похожего на детский, чем на взрослый. Даже в четыре ее взгляд казался мне немного рассеянным. Все в ней выглядело шатким и бесцельным. Когда она испытывала счастье, то говорила мне: «Это нервы».

Из-за ее бесконечных поисков стабильной работы мы часто переезжали. Когда мама была довольна, она вскрикивала, пританцовывая и кружась со мной по крошечной убогой квартирке, где мы жили.

– Свет зажегся, Джози!

Иной раз «свет гас», и мама днями лежала в своей кровати. Я подходила к ней, она высовывала голову со спутанными волосами и улыбалась.

– Свет выключился, мама? – спрашивала я тихим, испуганным голосом, и она кивала, гладя меня по щеке.

– Да, детка, но это ненадолго. Будешь хорошей девочкой и дашь мамочке поспать?

Я ела хлопья и смотрела мультики, пока «свет не зажигался» вновь. Мама возвращалась домой счастливая, а от этого становилась счастливой и я.

У меня не выходит вспомнить счастье. Как я уже говорила, все покрыто серым. Знаю, что испытывала это чувство, но вызвать его в памяти не получилось, поэтому я продолжила путь.

Я бесцельно бродила по аквапарку, пока в северо-восточном углу не заметила бассейн, частично огороженный кованым забором. За ним обнаружились шезлонги. Идеальное место, чтобы лечь на спину и черкать в блокноте. Может, закончу стихотворение для *Mo Vay Goo*. Сегодня я в настроении написать о своей матери. Марни хочет беспросветную темноту, что ж, ее ждет чертово удовлетворение.

Находясь примерно в двадцати ярдах от бассейна, я услышала плеск воды и увидела темную фигуру.

Там плавал какой-то парень.

«Черт. Замечательный способ испортить мне вечер, придурок», – подумала я и собралась разворачиваться, чтобы уйти. Кажется, я видела несколько шезлонгов возле детского бассейна. Мне хотелось поработать в тишине. Одной. А еще не нравилось находиться в темноте с незнакомыми парнями.

Но вместо этого я подошла чуть ближе. Подводный свет позволил мне разглядеть, что ночным пловцом является молодой парень, со светлыми… Я остановилась. Эван Сэлинджер. Одетый, он застыл на глубине девяти футов. Ну, по крайней мере, с того места, где я стояла, выглядело так. Я даже могла в деталях рассмотреть хлопковую футболку, прилипшую к его плечам.

Парень меня не видел. Он смотрел прямо перед собой, раз за разом глубоко вдыхая, но не выдыхая. А потом нырнул. Прямо вниз, размахивая руками, чтобы быстрее добраться до дна и замереть уже там.

Предостережения подруги насчет общения с Эваном всплывали в моей голове, но меня распирало любопытство. Какого черта он плавает в одежде? Может, он все же псих? Я устала от сплетен, поэтому, скрестив руки на груди, принялась ждать.

Прошла минута.

Вытащив телефон, я проверила время. 21:23.

В 21:25, когда он пробыл под водой уже целых две минуты, я безжалостно теребила губу, переминаясь с ноги на ногу.

«Какого хрена он делает?»

В 21:26 меня охватила паника. Эван, кажется, не собирался всплывать на поверхность. Я бросилась к краю бассейна, размахивая руками и топая ногами.

– Эй! *Эй!*

Тишина. Только медленное движение его рук внизу, словно водоросли в спокойном течении.

В 21:27, спустя *четыре* минуты после того как Эван нырнул, я бросила телефон на резиновый настил недалеко от шезлонга. Мобильник отскочил и ударился о бетон. Откинув блокнот, я прыгнула в воду. В одежде и ботинках.

Когда же схватила парня за плечо, он испуганно дернулся. Одной рукой я ухватилась за футболку, ухитрившись поддержать его за талию другой. А потом постаралась оттолкнуться от дна, как это делают в фильмах. Но у меня не вышло подняться так же легко вместе со своей тонущей жертвой. Ботинки тянули меня на дно, словно якорь, а Эван, казалось, превратился в чертов валун. Я изо всех сил старалась вытолкнуть его наверх, но лишь еще больше погружалась вниз, только ухудшая ситуацию. Наконец парень поплыл сам. Мы вместе вынырнули на поверхность, хватая ртом воздух и оказавшись лицом к лицу. Моя рука все еще сжимала его футболку.

Мир замер, пока мы смотрели друг на друга. Мы находились так близко, что я могла разглядеть его небесно-голубые глаза. Почувствовать мятную сладость дыхания, когда он судорожно хватал ртом воздух. Увидеть, как капли воды стекают по его волосам и щекам, словно слезы. Если бы я захотела, могла бы его поцеловать или влепить пощечину за то, что напугал меня до смерти.

Я оттолкнулась от него, разметав брызги, и отплыла с глубины. Сердце колотилось как бешеное от всплеска адреналина и странного волнующего трепета, который появлялся, когда Эван находился рядом. Марни описывала эти ощущения: кожа покрывается мурашками, словно ты прошел под линией электропередачи. Она рассказывала об этом с ноткой неприязни, но на деле оказалось наоборот. Мне стало тепло. Теплее, чем вода, в которую я окунулась в бассейне.

Эван смотрел на меня и слабо улыбался. Его взгляд казался мне теплым и умиротворенным. Словно мы собирались здесь встретиться, но он все равно удивился, увидев меня.

А потом я вспомнила, что он пытался утопиться, и похолодела.

– Какого черта? – Я начинала злиться, неловко топоча ботинками по дну. – Ты не можешь *этого сделать*. Не имеешь права оставить свое мертвое, вздутое тело какой-нибудь домохозяйке с карапузом. Или *маленькому ребенку*, который будет здесь прогуливаться. Это же гребаный ад.

– Что? – Эван растерянно покачал головой. – Нет, я…

– Если хочешь покончить с собой, сделай это в другом месте.

Я выбралась из бассейна. С одежды потоками стекала вода. Обувь отяжелела и, скорее всего, испорчена. *Проклятье!* Я села на шезлонг и принялась развязывать шнурки.

Эван оставался в центре на глубине, легко передвигаясь в воде. Его зачесанные назад длинные волосы блестели золотом в свете ламп, а глаза были такого же цвета, что и вода в бассейне в жаркий полдень.

– Я не пытался покончить с собой, – тихо сказал он.

– Разве? – рявкнула я. – Черт возьми, видимо, мне померещилось.

– Я задерживал дыхание.

– Тогда почему так долго находился под водой?

– Чтобы проверить, насколько могу задерживать дыхание. – Он склонил голову набок. – Как думаешь, долго?

– Да ты издеваешься?

Я перевернула ботинок и вытряхнула его содержимое на цемент.

– Просто любопытно, – произнес он отстраненно, словно протягивал мне руку, а сейчас убрал ее назад. – Прости за ботинки, Джо.

– Забудь, – пробормотала я и вскинула голову. – Откуда ты знаешь мое имя?

Эван вздохнул с таким измученным видом, будто подозрения являлись свинцовым грузом, который он носил на шее.

– Ты сидишь рядом со мной на истории Запада.

– А, точно, – быстро ответила я.

– Прости, что напугал. Я не хотел.

– Да…

Я не знала, что сказать, потому что чувствовала себя виноватой. Мне следовало извиниться *перед Эваном,* однако я не понимала, за что. Ведь из-за него я перепугалась до чертиков, мои ботинки, вероятно, испорчены, а мобильный сломан. Да и вечер пошел насмарку.

Между нами повисло молчание. И я чувствовала, как мой гнев немного утих.

– Четыре минуты, – произнесла я, снимая второй ботинок.

Эван обрадовался.

– Неужели? Я провел под водой четыре минуты? Черт возьми, это долго.

– Эм, *да*, – сухо ответила я, – прямо как в шоу Гудини. Для этого тренируешься? Чтобы присоединиться к цирку фри…

Фриков.

Я успела замолчать прежде, чем слово вылетело из моего рта, но оно достаточно ясно и отчетливо повисло в воздухе.

Лицо парня потемнело, и он отвернулся. Я сразу же ощутила себя полным дерьмом во всех смыслах. Из-за этого у меня волосы встали дыбом. Мне не нужны осложнения в жизни. Но в Эване имелось нечто такое, что заставляло злиться на него, чувствуя себя отвратительно и неправильно.

Я отжала волосы.

– Почему бы тебе не купить водонепроницаемые часы, чтобы засекать время?

– Они не входят в мой план расходов.

– Ты ведь работаешь в автомастерской отца, верно? Он тебе не платит?

Я подумала, что нагло вмешиваюсь в чужие дела. Не говоря уже о том, что жестокое обращение, которому подвергается Эван со стороны братьев, вполне могло – и, скорее всего, исходит – от всех членов семьи Сэлинджер, включая родителей. Или *началось* с них и впоследствии просочилось дальше.

– Да, он мне платит, – кивнул парень, к моему облегчению, – но я коплю деньги на другое.

– И на что же?

– Хочу убраться отсюда к чертовой матери.

Эван перевел взгляд на аквапарк, на город за ним, а потом на будущее, которое он рисовал в своем воображении. Я осознала, что глазами следую за ним, но не вижу дальше турникетов.

– А куда бы ты уехал? – поинтересовалась я, так и держа в руке перевернутый вверх дном мокрый ботинок.

– Куда угодно. Хотя нет. Хочу съездить к Гранд-Каньону. Да, я бы туда отправился. Ты была там?

– Нет.

– Я тоже.

Между нами повисла пауза. Судя по всему, Эван хотел сказать что-то еще, но не стал. Разговор, видимо, закончился, и я, нахмурившись, опустила подбородок.

– Итак. В любом случае, четыре минуты – это очень долго. Мои поздравления. Мне пора.

Я сняла носки и сунула их в ботинки. Идти домой босиком отстойно, но еще хуже хлюпать тяжелой промокшей обувью фирмы «Доктор Мартенс». «*В следующий раз поеду сюда на велосипеде»,* – подумала я. Но будет ли этот следующий раз?

Эван молчал, и я решила, что он ничего не скажет и дальше. Однако когда я повернулась, он подошел к краю бассейна и положил руки на бетон.

– Спасибо, что спасла меня, Джо.

Я остановилась, потрясенная его словами.

– Я не спасала тебя. Ты не тонул.

– Верно, но ты этого не знала.

Я повернулась и вновь посмотрела на него. Эван улыбался. А в голове крутились слова, как будто я обдумывала стихотворение.

«Обремененная проблемами улыбка: печальная, душераздирающая и полная надежд».

Я избавилась от этих мыслей. Ни стихов, ни розовых соплей. Нежность к симпатичному парню с грустной улыбкой не входила в мои планы.

– Это неважно, – произнесла я два самых неэтичных слова в английском языке.

Его улыбка стала еще шире.

– Спокойной ночи, Джо.

Точно так же, как и в моем сне. Тот же тон и все такое. Такое же ощущение омывающей меня теплой воды. Я подняла свой, к счастью, целый мобильник, блокнот и ушла не оглядываясь.

Глава 7
Эван

Я вернулся домой через заднюю дверь уже после полуночи. Снял футболку и бросил ее в стирку. Норма никогда не спрашивала, почему моя одежда воняет хлоркой. Думаю, она просто шла мне навстречу. Как будто понимала, что мне необходимо именно то, что я получаю в бассейне. И не задавала вопросов до тех пор, пока меня не поймали за вторжение на чужую территорию (или пока в школе никто не узнал об этих визитах).

В доме темно и тихо, если не считать храпа Харриса, доносящегося из спальни в конце коридора.

Я закрыл за собой дверь в комнату, и меня охватило странное ощущение.

«Здесь кто-то побывал», – решил я.

Включил свет и огляделся. Все выглядело так же, как и когда я уходил. Я втянул носом воздух, словно мог уловить остатки чужого присутствия. В комнате пахло чужаком. И пусть это казалось полной чушью, но ощущение не покидало меня. Я собрался проверить сейф в комоде и деньги, которые платит мне Харрис, спрятанные под доской под кроватью, но прогнал сомнения прочь.

«Вот такого рода дерьмо приносит тебе неприятности. Сюда никто не заходил. Веди себя нормально. Иди спать», – сказал я себе.

Забираясь в постель, я предполагал, что после такого вечера не смогу уснуть. Но оказалось совсем наоборот. Следующее, что я осознал, – звук старого цифрового будильника, зазвонившего в шесть утра и вырвавшего меня из крепкого сна. Нормального человеческого сна. Одного из хороших. Лучшего за последнее время.

Джо Кларк. В бассейне. Момент, когда она пыталась вытащить меня из воды. Она думала, что я тону, и пыталась спасти.

Меня.

Мы оказались друг напротив друга, а вода откинула ее волосы назад. В лунном свете виднелась неровная линия страшного шрама – белого с легкой просинью. Прозрачного. Но он не портил девушку. Во всяком случае, я так не считал. Джо слишком красива. Бледная кожа. Большие темные глаза с длинными ресницами и темными бровями. Ее рот…

Черт.

В моем сне ее рот был слегка приоткрыт от удивления, а губы манили прикоснуться к ним. Вместо того чтобы злиться – как это случилось в реальности, – она обрадовалась, встретив меня. Сердечно улыбнулась, и ее темные глаза загорелись. Джо хотела мне что-то сказать, и я уверен: что бы она ни произнесла, это сделало бы мой день прекрасным. Но тут зазвонил чертов будильник, и Джо исчезла, когда я открыл глаза, увидев наклонный потолок своей спальни.

Хороший сон, но он никогда не станет явью. Я спрятал мысли о Джозефине Кларк в металлический сейф. Обернул вокруг него железные цепи и навесил замок размером со щит. Она бы никогда так не улыбнулась – свободно и открыто – и уж точно не мне.

Но есть способы проснуться и похуже, чем ото сна об улыбающейся тебе прекрасной девушке.

– Она спасла меня, – пробормотал я, ухмыляясь.

Не совсем, правда. Как и сказала Джо, я не тонул, но большинство дней в доме Сэлинджеров похожи именно на это. Удушье. Рамки. Моя тюрьма. Я метался по ней между тем, кто я есть, и тем, кого они хотели видеть. Это давило на меня так, что я едва мог дышать.

Я сел на свою маленькую кровать в своей крохотной, заполненной книгами спальне. За выходящим во двор окном солнце медленно поднималось над городком.

Отсюда ли я родом?

Мой ли это дом?

Моя ли семья?

Даже не представляю, кому и зачем я задаю эти вопросы. Может, в то неведомое место в глубине души, где живут мечты? Ответом всегда было категорическое «нет», ни приносящее облегчения. Я читал, что приемные дети продолжают искать биологических родителей, какими бы замечательными и любящими ни оказались приемные, потому что те *семья*. Клан. Принадлежность.

Я оделся и спустился вниз, где уже был готов завтрак. Я понял это по звукам еще до того, как дошел до кухни. Ложки скребли по чашкам с овсянкой, и у меня тут же заболели зубы.

«Четыре минуты! – подумал я, чтобы отвлечься. – Я *провел под водой целых четыре минуты».*

Рекорд. Я ходил в «Фантаун» с тех пор, как он открылся в прошлом году. Мне хотелось окунуться в спокойную прохладу и научиться задерживать дыхание. Не знаю, почему и как это стало важным. Я воображал себя готовящимся к марафону стайером [10]. Вот только это не совсем верно. Я не представлял, для чего мне нужны эти тренировки. Единственное, что важно, – увеличить время, пробыть под водой шесть, семь, а может, даже восемь минут… Азарт горел во мне, как в чемпионе, жаждущем бежать все быстрее и быстрее. Я не видел финишной черты, к которой привела бы меня тренировка, но желал достичь ее. Мне *просто необходимо* было добраться туда.

Но четыре минуты? Я улыбнулся про себя. Интересно, как долго я мог бы продержаться, если бы не вмешалась Джо? Моя улыбка стала еще шире.

Она спасла меня.

Эта мысль не покидала моего сознания. Как песня, которая застревает в голове, но не раздражает. Я не привык, чтобы обо мне беспокоились.

Шейн фыркнул над своей тарелкой.

– Посмотри на Эвана, улыбается, как дурак, – сказал он Мерлу, – похож на умственно отсталого.

Странное сравнение, учитывая, что уровень интеллекта у Мерла колеблется ниже семидесяти баллов. Я взглянул на Норму. Она вроде не слышала. Или ее это просто не волновало. После трех лет жизни здесь мне следовало догадаться, что она не замечает недостатков своих сыновей. Помощи от нее не было, нет и ждать не стоит. Мерл издал смешок, и они с Шейном обменялись понимающими взглядами. Руки Шейна подергивались этим утром сильнее обычного, визгливый смех вырывался, казалось, из ниоткуда.

«И это они называют меня *фриком».*

Хихиканье Шейна и скрежет ложек продолжались до тех пор, пока Гаррет окончательно не проснулся и не начал безостановочно болтать о своем научном проекте. Норма кивнула и слабо улыбнулась, и больше его никто не слушал. Позавтракав, мы собрались в школу.

Шейн и Мерл направились к своему общему пикапу – блестящему черному «Форду F150», который отцу подарил благодарный клиент. Машина досталась им даром. У меня тоже имелся пикап – потрепанный, старый «Шевроле», купленный за собственные деньги. Те самые, которые мне требовались, чтобы после окончания школы свалить из Планервилла. Но и без машины у меня не получится осуществить побег. Элементарно, чтобы доехать до Гранд-Каньона. Поэтому я не жаловался.

Краем глаза заметил, что братья идут, склонив головы и смеясь. Как только мы приблизились к гаражу, они повернулись. В своей когтистой лапе Шейн держал записку.

Сердце остановилось, я забыл, как дышать. Кусочек бумаги, больше похожий на клочок, старый и потрепанный, с пожелтевшими краями треугольник. Слова, написанные аккуратным

[10] Стайер – бегун на длинные дистанции.

плавным почерком, были едва различимы с того места, где я стоял. Только вот эти слова навсегда отпечатались в моей памяти.

«Позаботьтесь о нем, пожалуйста. Пожалуйста».

– Верни записку, Шейн, – сказал я, сжав руки в кулаки.

– Зачем? – Он помахал листком перед собой, в то время как готовый действовать Мерл стоял рядом, внимательно наблюдая за мной. И, черт возьми, я уже приготовился наброситься на него и выбить все дерьмо. Гаррет наблюдал за происходящим с широко раскрытыми глазами.

– Ты знаешь, зачем, – проговорил я, стараясь успокоиться. – Верни. Ты не имеешь права копаться в моих вещах…

И тут я осознал. То странное ощущение, которое сковало меня прошлой ночью. Они заходили в мою комнату. Шейн нашел маленький деревянный сундучок, в котором лежало несколько памятных вещей: корешки бейсбольных билетов, мой любимый кусочек мрамора из детства.

И эта записка.

Я всегда держал сундук запертым. Как ему удалось открыть?..

Мерзкая улыбка появилась на лице Шейна, когда он размахивал запиской передо мной. На безопасном расстоянии.

– А что ты мне за это дашь?

«Не сломаю твой нос», – хотелось ответить мне.

– Ничего. Она моя, Шейн. Отдай сейчас же.

– Мы опоздаем в школу, – сдавленно произнес Гаррет.

Шейн поднял другую руку, в которой оказалась маленькая зеленая зажигалка. Дыхание перехватило, и я ощутил, как напрягаются мышцы.

– Даже не думай…

– О, теперь я привлек твое внимание? – нервно усмехнулся Шейн. Его руки дрожали, и он медленно придвинулся ближе к Мерлу. – Я повторю еще раз. Что я получу взамен?

Он щелкнул по колесику зажигалки большим пальцем, высекая искру.

Внутри все перевернулось.

– Чего ты хочешь?

– Жду твоих предложений.

– Хватит, Шейн, – сказал Гаррет, – верни записку.

– Заткнись, Гаррет. – Шейн не сводил с меня глаз. – Ну?

– Моя зарплата. За две недели, – ответил я, ненавидя себя за эти слова, но записка была важнее. – Три, – добавил, когда Шейн покачал головой.

– Я передумал, – заявил он, нарочито пожимая плечами. – В конце концов, мне ничего не нужно. И Гаррет прав: мы опоздаем в школу.

На полсекунды во мне вспыхнула надежда… пока Шейн не щелкнул зажигалкой. Пламя взметнулось вверх и лизнуло уголок бумаги, который сразу же почернел и сжался.

– Нет!

Я рванулся вперед, сосредоточившись на записке, и врезался в Мерла. Тот ударил меня кулаком в живот. Я ахнул и согнулся пополам, продолжая тянуться к руке Шейна. Словно в замедленной съемке я наблюдал, как пламя пожирает бумагу, безжалостно уничтожая написанное.

«Позаботьтесь…»

– Нет! Ты гребаный ублюдок! Остановись! – кричал я, вырываясь из рук Мерла.

Я ударил его локтем в челюсть, отчаянно пытаясь дотянуться до записки, но было уже слишком поздно. Шейну пришлось выбросить то, что осталось, прежде чем пламя коснулось его пальцев. Я перестал бороться. Мерл заехал мне локтем по спине. Боль пронзила правую

лопатку, и я упал на четвереньки рядом с обугленной бумагой. Мерл затоптал остатки пепла, отправляя все в небытие.

Я смотрел на оставшееся пятно.

– Зачем? – прохрипел я.

– Ты слишком стар для этого детского дерьма, – заявил Шейн, когда они с Мерлом направились в гараж и забрались в свой пикап. – Повзрослей, фрик. Твои ненормальные родители не хотели тебя. Смирись с этим.

Они выехали из гаража рядом с тем местом, где я сидел на подъездной дорожке, глядя на серое пятно.

Шейн опустил стекло.

– Обращайся! – крикнул он, когда машина тронулась с места.

Меня накрыли ярость и боль, проникая до самых потаенных участков души. Руки снова сжались в кулаки. Левой я схватил измельченный известняк вместе с пригоршней мелких камней, которые покрывали всю подъездную дорожку, и швырнул их в удаляющийся пикап. Камни ударили по металлу, а звук походил на выстрел. Даже отсюда я увидел царапины, которые остались на черной краске. Машина с визгом остановилось. Братья вышли из нее, на лицах обоих отражался шок.

Рядом со мной съежился Гаррет.

– О нет…

– Ах так! Ты покойник. *Покойник.* – Шейн уставился на меня, проводя костлявой рукой по белым царапинам на заднем крыле пикапа. Они выглядели, словно меловые пометки на доске. – Папа тебя убьет.

Мерл, считавший машину предметом гордости, осмотрел повреждения, и его поросячьи глазки расширились.

– Я убью тебя, – буркнул он.

Я сделал приглашающее движение.

– Тогда вперед! – Мое сердце стучало так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. – Давай, ублюдок!

Мерл неизменно жаждал драки. Он, не колеблясь, бросился на меня, как бык на матадора. Я подготовился. Образ клочка бумаги, скрючившегося, почерневшего и превратившегося в пепел, разогревал мою ярость. Размахивая кулаками, Мерл налетел на меня. Я пригнулся и ухитрился нанести правый хук в почку здоровяка, вложив в удар весь свой вес и прочувствовав всю его силу до самого плеча. С любым другим на этом бы драка и закончилась. Мерл лишь усмехнулся, поднял руку и врезал мне в нос. Хлынула кровь, но я не чувствовал боли, не слышал проклятий Шейна и криков Гаррета. Наша схватка превратилась в потасовку с недоударами и шарканьем ног по цементу.

Я проигрывал. Мерл нашел лазейки в моей защите, чего нельзя было сказать обо мне. Но я наслаждался болью, которую принимал легче, чем потерю записки.

Словно из тумана, до меня донесся еще один голос. Мерл тут же оттолкнул меня. Я отшатнулся и увидел Норму рядом с подъездной дорожкой. Скрестив руки на груди, словно стараясь держать себя в руках, она стояла с искаженным от ярости лицом.

– Что, ради всего святого, вы творите, мальчики? На виду у всей улицы? – прошипела она.

Я промолчал, только вытер нос рукавом рубашки. Раньше я никогда не бегал к ней из-за братьев. Не доносил на них раньше и не собирался этого делать сейчас. Только вот Шейн начал жаловаться первым.

– Посмотри, что он сделал! Бросил камни в нашу машину! Теперь вся задняя часть нуждается в покраске.

При виде повреждений глаза Нормы Сэлинджер расширились, сузились и зло сфокусировались на мне. Мы все хорошо знали этот убийственный взгляд.

– Это правда?

– Они сожгли его записку! – воскликнул Гаррет, стоявший рядом со мной. – Ту, что осталась у него после пожара. Когда он был ребенком. Сожгли без всякой причины!

Старшие посмотрели на своего младшенького, молча обещая отомстить.

– Гаррет, успокойся, – попросил я.

Впервые даже Норма поразилась жестокости собственных детей.

– Это правда? – потребовала она. Оба старших сына вздрогнули под ее пристальным взглядом.

«Неужели пришло время? Заступится ли Норма за меня? Положит ли конец садистским замашкам Шейна?»

Но нет. По выражению лица Нормы можно было проследить, какие мысли мелькают у нее в голове. Она встанет на сторону кровных детей, поведение которых не выглядит для нее суровым по отношению ко мне.

– Мы не копаемся в чужих вещах, подобно воришкам, – ледяным тоном произнесла она, обращаясь к братьям, а потом повернулась ко мне, – и не оскверняем то, что нам не принадлежит. Никто ничего не сделал. А теперь марш в школу. Вы опоздали. Когда вернетесь домой, я решу, как с вами поступить. Убирайтесь.

Мы разошлись в разные стороны, Шейн бросал на нас с Гарретом косые взгляды, возмущенный тем, что попал в беду. Боже, что за чушь. Норма даст им с Мерлом какую-нибудь легкую работу, а мне придется заплатить за повреждение пикапа. Или сам буду исправлять его в мастерской.

Только маленький Гаррет избежал наказания, по крайней мере от матери. Я всегда подвозил его до начальной школы.

– Послушай, ты должен перестать заступаться за меня. Иначе у тебя будут неприятности, – сказал я, как только мы выехали на дорогу.

– Я знаю, – ответил он, вытирая нос, – но это несправедливо. Записка много для тебя значила.

– Я переживу. Но ты еще слишком мал. Тебе будет больно.

– Разве ты не должен отстаивать свою правоту? Этому нас учит в школе мисс Джонстон. А то, что сделал Шейн, неправильно.

Взглянув на Гаррета, я заметил наворачивающиеся на его глаза слезы. И сердце сразу смягчилось, ярость и горечь немного поутихли.

– Нет, не нужно. Если продолжишь меня защищать, они переключатся на тебя.

Гаррет снова фыркнул, на этот раз вызывающе. Он вздернул маленький подбородок, глядя куда-то вдаль.

– Я справлюсь.

Я вспомнил убийственный взгляд Шейна, когда малыш заступился за меня. «*Нет, не выдержишь»,* – подумал я. Сгоревшая записка оставила зияющую рану, которая не затянется в ближайшее время, но безопасность Гаррета важнее. Несмотря ни на что.

Я молча управлял автомобилем, набираясь храбрости. Когда мой младший – и единственный – брат взвалил себе на колени огромный рюкзак, я въехал на кольцевую развязку Уильямсбургской начальной школы. Он потянулся к ручке дверцы, но на секунду задержался.

– Тебе нужно уехать, – произнес он, глядя на меня сквозь взъерошенную копну светлых волос. – Тебе следует держаться от них подальше.

– Это я и планирую, – отрезал я настолько каменным голосом, насколько это было возможно, и посмотрел вперед. – Выходи уже, иначе опоздаешь.

Он нахмурился, услышав мой холодный ответ.

– Я буду скучать по тебе, Эван. Если ты уедешь, я буду скучать по тебе, но думаю, так будет лучше. Так они не смогут больше причинить тебе боль.

Я вцепился обеими руками в руль. До тех пор, пока не побелели костяшки пальцев. Даже невзирая на то, что на них остались ссадины после драки.

– Выходи. Из машины.

Я почувствовал, как меня заполняет боль Гаррета, и едва не сдался.

– Почему ты так груб со мной, Эван? – воскликнул он дрожащим голосом.

Я не хотел так с ним поступать. Однако должен был. Чтобы защитить его. Будет безопаснее, если и он станет ненавидеть меня.

Позади нас засигналила машина. Я потянулся через Гаррета и распахнул дверь, затем снова посмотрел вперед, не обращая на него внимания.

– Вылезай из этого чертова пикапа.

Гаррет схватил рюкзак и выбрался наружу. Он немного постоял, с вызовом глядя на меня. Я пробормотал проклятие и потянулся, чтобы закрыть дверь, но брат оказался быстрее. Он захлопнул ее с выражением горечи и злости на лице, повернулся и зашагал к своей школе. Выражение его глаз ранило почти так же сильно, как боль от сожженной записки.

«Хорошо, – подумал я, наблюдая за ним, – *так для него будет лучше».* Я не мог позволить себе такой роскоши, как гадать, будет ли так лучше для меня.

Глава 8
Джо

Этим утром спортсмены вели себя с Эваном еще хуже. Со стороны моего шкафчика, который стоял там же, где и шкаф Шейна Сэлинджера, открывался прекрасный обзор. Когда он проходил мимо, опустив голову, ссутулив плечи и засунув руки в передние карманы джинсов, тощий маленький ублюдок что-то бормотал Джареду, Мерлу и остальным.

– Мерл позаботился об этом, – услышала я слова Шейна.

Мерл Сэлинджер сжал руку в кулак и многозначительно ударил ей по ладони. Глаза Джареда расширились, и он рассмеялся.

– Сегодня утром на подъездной дорожке для тебя развели костерок, да, фрик? – крикнул он.

Эван проигнорировал их, но я заметила выражение его голубых глаз. Взгляд, которым он одарил Шейна, мог бы заморозить все девять кругов ада. Тот отшатнулся, немного повозившись с тростью, но расслабился, стоило Эвану продолжить свой путь.

Мы договорились встретиться с Джаредом на перемене, но я кинула его. За обедом я еще раз отшила его. На истории Запада он бросил на меня вопросительный взгляд. Я отвернулась, демонстрируя ему лишь стену волос, и обратила внимание на Эвана. Голова опущена, глаза смотрят вниз, плечи сгорблены так, словно он хочет целиком погрузиться в свою книгу. А еще я заметила засохшее пятно крови под его носом. Костяшки его пальцев покраснели и распухли. Он дрался.

С кем? Возможно, со своим братцем-буйволом, Мерлом. А может, со спортсменами. С Джаредом, например. Тот, кстати, снова попытался привлечь мое внимание, и я показала ему средний палец. Его глаза расширились, а затем он разочарованно покачал головой, но губы предупреждающе скривил. Я не сомневалась, что слухи быстро расползутся. Легкодоступная. Подстилка. Шлюха.

Я тяжело вздохнула. Расставания бывают такими грязными.

Остаток урока я желала, чтобы Эван хоть раз взглянул в мою сторону. Но очевидно, что у него выдался ужасный день. Он не смотрел ни на меня, ни куда-либо еще. Только вниз. Словно и не было прошлого вечера.

«Можно ли винить его? Ты вела себя, как настоящая сука», – подумалось мне.

Я смотрела на свой стол, прячась за волосами и отговорками. Эван напугал меня ужаснейшим образом. Я решила, что он решил утопиться. И все же ощущала вину за то, как себя с ним повела. Ему и без меня хватает дерьма в жизни.

Ближе к концу урока я увидела, что Эван прячет книгу под листками и читает, пока мистер Альбертин бубнит о родине демократии.

– Эй, – дружелюбно прошептала я. Наверное, я выглядела, как Уэнсдэй Аддамс из «Семейки Аддамс», когда попыталась изобразить улыбку.

Эван быстро окинул меня тяжелым и потускневшим взглядом, кивнул в знак приветствия и вернулся к чтению.

– Что ты читаешь?

Он продолжал держать голову опущенной, не отрывая глаз от страницы, но подвинул книгу так, чтобы я смогла рассмотреть название. «*Граф Монте-Кристо*».

– Эту я упустила. Хорошая?

– Да, – прошептал он, так и не глядя на меня.

– О чем она?

– Про побег из тюрьмы.

Не нужно копать слишком глубоко, чтобы понять подтекст. Эван говорил, что хочет уехать из Планервилла. Что бы с ним ни случилось сегодня, это не заставило его передумать.

Я желала спросить парня о разбитом носе и о том, почему братья по отношению к нему ведут себя как придурки. Хотелось услышать все от него, а не через школьные сплетни. Я внезапно осознала, что хочу узнать его поближе, а это мало походило на меня. Обычно я не тянусь к людям.

Прозвенел звонок, Эван, не сказав ни слова и не оглянувшись, молниеносно собрал вещи и ушел.

Той ночью, лежа в кровати с блокнотом и постукивая шариковой ручкой по губе, я размышляла над заданием мисс Политано. Строки для любовного послания крутились в голове.

Поэма о любви.

От меня.

В разы лучше с ее заданием справился бы могильщик, если бы того попросили написать про рождение ребенка. Любовь для меня являлась неизведанной территорией. Смерть, потеря и одиночество – вот мои сильные стороны. Любовь принадлежала серому прошлому. Словно человек, которого я когда-то хорошо знала, но потеряла с ним связь, а сейчас не могу вспомнить ни лица, ни голоса, ни ощущений, когда он рядом.

Я попробовала написать несколько строк, но они вышли удручающими. Учительница просила не о почерневшей, гниющей версии любви. Она хотела видеть настоящие эмоции.

Летняя школа замаячила перед моим взором.

Я судорожно продолжила писать, вычеркивая все больше слов, в итоге вырвала лист и бросила его в мусорную корзину. Я никак не могла сосредоточиться на задаче. Все мысли крутились вокруг Эвана Сэлинджера.

Чем он сейчас занимается? Доставили ли его братья ему еще больше неприятностей? Или, может, он в бассейне, старается узнать, насколько получится задержать дыхание? Я прикусила губу, обдумывая, хорошая ли это идея – отправиться в «Фаунтаун». Черт возьми, а почему бы и нет? Я вольна идти куда угодно. Свободная страна и все такое.

«А вдруг он ходит туда, чтобы сбежать? Вдруг это его единственное проклятое убежище?» – засомневалась я.

И закусила губу.

Последние шесть лет я жила в режиме выживания. Мама оставила меня одну. Я не отдавала и не получала знаков внимания от парней, конечно, если это не секс. Но со мной ничего не случится, если я пойду в «Фантаун» и засеку для Эвана время…

Задержи дыхание.

Я буду считать минуты.

Охраняя твой покой…

Я моргнула, увидев написанные слова.

«Боже, что это еще за странное дерьмо?»

Откинувшись на спинку кровати, я решила хоть раз попытаться выспаться.

И уставилась в потолок.

Проверила время на телефоне. Почти девять часов. Мобильник в хорошем рабочем состоянии. Не сломался. Ботинки не расклеились. А вот я по отношению к Эвану проявила себя стервой и ненавидела это ощущение.

Поэтому встала, надела старые джинсы и сандалии, которые не носила в школу, и направилась к выходу.

* * *

На этот раз сквозь душную, липкую темноту в аквапарк я ехала на велосипеде. Цикады оглушительно пели, и их непрерывное стрекотание обволакивало уже уснувший город. Желтый свет горел в окнах лишь нескольких домов. На улице никого не наблюдалось. Ни одна машина не проехала мимо. Словно я попала в город-призрак.

Как и в прошлый визит, аквапарк оказался пуст. Как и в прошлый раз, Эван находился в бассейне. Руки лежали на цементном полу, подпирая подбородок. Он выглядел измученным. Поверженным. Словно проплыл сотню кругов, хотя вода выглядела спокойной.

Сандалии шлепали по дорожке, сообщая о моем вторжении. «Эван пришел сюда, чтобы сбежать, – твердила я себе. – Я незваный гость. Мне следует вернуться и оставить его в покое». Только вот я не повернула. Он смотрел на небо, не поднимая головы, и его голубые глаза выглядели еще более потускневшими.

– Привет, – сказала я.

– Привет, Джо.

И почему в устах Эвана мое имя звучит так необычно? Он всегда обращался ко мне по имени. Даже в снах. Я же никогда не произносила его имя вслух.

– Я не хотела тебя беспокоить.

– Ты мне не мешаешь.

– Я уйду, если ты хочешь побыть один. – Он что-то пробормотал себе под нос. – Что? – спросила я.

– Ничего, – ответил Эван, а потом нырнул, вынырнул и откинул волосы с лица. – Зачем ты сюда пришла?

Я села на ближайший к глубине шезлонг.

– У меня есть телефон. В нем таймер. Я подумала, что могу засечь для тебя время, пока ты будешь задерживать дыхание под водой.

– Ты действительно хочешь провести вечер среды таким образом? – удивился он. Парень покачал головой, молча отвечая на собственный вопрос. – Тебе лучше уйти. Если кто-нибудь увидит тебя здесь, то не дадут жизни.

– Как будто мне не плевать, что обо мне думают! – Эван оглядел меня с головы до ног, взглядом задержавшись на длинных волосах, которые подобно щиту прикрывали шрам. Я скрестила руки на груди. – Ты хочешь, чтобы я засекла время или нет?

– Нет, спасибо, Джо, – тихо проговорил он, – не сегодня.

Я встала и подняла сумку.

– Тебе хочется побыть одному. Понимаю. Мне не следовало приходить. Прости.

– Нет, мне очень жаль. Просто сейчас я не лучшая компания.

– Плохой день?

– Можно и так сказать.

Я снова села.

– Что случилось? Я имею в виду… если ты, конечно, хочешь поговорить об этом.

– Ничего нового, все как всегда. – Он о чем-то вспомнил, и на вмиг помрачневшем лице погасла улыбка. Эван ткнул большим пальцем в цемент на краю бассейна. – Но на этот раз он зашел слишком далеко.

– Что произошло?

На мгновение наступила тишина.

– Ты когда-нибудь теряла нечто ценное для себя? Я не о людях или каких-то эмоциональных потерях. Я говорю о памятном предмете.

Мне на ум сразу же пришел голубой кит. Куда бы ни ехала, я не расставалась с игрушкой. Не могла вспомнить, почему так дорожила ею. Просто любила эту вещь, наверное. Где-то в том хаосе, когда умерла моя мать, а Джаспер попал за решетку, я потеряла своего кита.

– Да, – ответила я, – но прошлого не вернуть, правда же? Ты ничего не можешь с этим сделать.

Эван кивнул.

– Я раз за разом повторяю себе об этом. Не помогает.

– Что ты потерял?

– Тебе действительно интересно?

Я остановила готовое сорваться с языка замечание, что иначе бы не спрашивала. Однако парня, казалось, искренне заинтересовало мое желание пообщаться. Полный отстой. Одиночество вышло на новый уровень.

– Да, – подтвердила я, – мне интересно.

Судя по всему, он собирался все рассказать, но потом покачал головой.

– Это мои братья. Мои *приемные* братья, о чем они не устают напоминать. Они уже не знают, куда копать и на какие кнопки нажимать, чтобы я потерял все.

– Им обоим нужен хороший пинок под зад, – заявила я с ухмылкой. – Просто мое наблюдение.

Эван слабо улыбнулся и оттолкнулся от стены, чтобы окунуться в воду.

– После окончания школы станет легче. Когда я отсюда уеду.

– Уедешь?

– Как только закончится церемония.

– Ох, круто. – Я смахнула с шезлонга опавший лист.

– А что насчет тебя?

– Не знаю. Через несколько недель мне исполнится восемнадцать. Думаю, Джерри избавится от меня.

– Джерри?

– Кузен моей матери. Мой опекун.

– И он так поступит? Просто вышвырнет тебя?

– Ага. Он заботился обо мне шесть лет, думаю, с него хватит.

– Что ты будешь делать? – нахмурился Эван.

Я пожала плечами.

– Я скопила немного денег. Все будет хорошо. Найду работу. Какое-нибудь место. – Я закашлялась. – Со мной все будет в порядке.

Повисла небольшая пауза.

– А что насчет тебя? – поинтересовалась я. – Куда поедешь? Вчера ты упоминал про Гранд-Каньон.

– Однозначно Гранд-Каньон, – проговорил парень и задвигал руками, чтобы удержаться на плаву. – Рядом с ним есть озеро Пауэлл. Поселюсь в хижине неподалеку. Думаю, смогу работать в местной автомастерской. Не хочу заниматься этим вечно, только пока не закончу подготовку по оказанию скорой помощи.

– Ты хочешь стать медиком?

– Пожарным. Я хочу быть пожарным. Но навыки по оказанию первой помощи должен пройти.

– Серьезно?

– Ага.

– Опасная работа, не так ли? Тушить бушующий ад, вытаскивать людей из горящих зданий? – Я криво улыбнулась. – Спасать кошек с деревьев.

Эван издал короткий смешок, и, клянусь богом, этот звук достиг моей души. Да и сердца тоже.

– Ну или типа того, – согласился он. – Мне нравится помогать людям.

– Я могу представить тебя пожарным.

– Да?

Боже, конечно. Я представила высокую фигуру Эвана, облаченную в тяжелую форму пожарного. Нужно быть сильным, чтобы носить ее. Фантазия двинулась дальше. Красивое лицо, покрытое пóтом и копотью, бушующий позади огонь. Он несет маленькую девочку и отдает в руки благодарной матери…

Что со мной не так?

Эван Сэлинджер завладел моими мыслями. Я попыталась отгородиться, но это не помогло.

– А ты кем хочешь стать? – спросил он. – Ты упоминала, что найдешь работу, но как же твои стихи?

Мои брови взлетели вверх.

– Откуда ты знаешь, что я пишу?

– Я принес в жертву агнца на алтаре Баала, и мне явилось видение. – Он рассмеялся, увидев выражение моего лица. – Я читал ваш андеграундный журнал. Как его там? *Mo Vay Goo?* Там еще зернистая ксерокопия Моби Дика на обложке?

– А. Точно.

Его смех затих.

– Понимаю. Я в курсе, что обо мне говорят.

Желание расспросить у него о Вудсайде, о срыве в классе, о видениях так никуда и не делось. И я видела, что он готовится к моему любопытству.

«*Не делай с ним этого»,* – подумала я. Эван и без того достаточно долго варится во всем этом. Больше никаких дурацких намеков. Я решила просто поговорить с *ним*.

– Ты читал *Mo Vay Goo*? – удивилась я. – Я думала, журнал выбрасывают в мусорку через шесть наносекунд после того, как Марни его раздаст.

Он снова подплыл к краю бассейна.

– Обычно я читаю журнал, хотя пока там не появилась твоя публикация, он не производил на меня впечатления. Твое стихотворение мне понравилось.

– Спасибо.

– Ты *правда* хорошо пишешь, – сказал он. – Разве не хочешь заниматься этим? Быть поэтом? Я имею в виду превратить это в профессию?

– В поэзии не так уж много денег. Ни гроша.

– Преподавание?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Я не очень люблю стоять перед людьми и говорить. И чтобы стать учителем, мне придется поступить в колледж. Джерри так много переезжал, что у меня дерьмовые оценки. Я не смогу получить стипендию, а провести остаток жизни по уши в долгах не хочу. Наверное, найду какую-нибудь работу в ресторане, а писать буду на стороне. – Я посмотрела на свои руки. – Знаю, не очень амбициозно…

Эван положил подбородок на руки, наблюдая за мной.

– Я был бы не против когда-нибудь почитать твои стихи. Если ты не возражаешь.

– А ты бы хотел?

– Определенно.

Я представила, как он читает мою коллекцию. Стихи, написанные глубокой ночью под шепот призраков.

– Это нелегкое чтение.

– Они о твоем шраме? – тихо поинтересовался он.

– Некоторые. Говорят, надо писать о том, что знаешь.

Эван кивнул, и я увидела незаданный вопрос.

– Автомобильная авария, – произнесла я. – Мне было тринадцать. Мама и дядя погибли, я порезалась. Об окно. В смысле… так я получила шрам.

Я отвела взгляд. Я так часто врала, что слова легко слетели с моего языка. Но мне казалось неправильным то, что я обманула Эвана. Как будто оскорбила его интеллект.

– Наверное, тяжело так потерять семью, – посочувствовал он.

Проклятье, я едва не ляпнула, что он прав ровно наполовину, потому что мой дядя не из тех людей, кого стоит оплакивать. Черт побери, мне хотелось разоткровенничаться и рассказать Эвану все как есть. Он пробивал пломбу, которую я старалась держать нетронутой, оставляя на ней трещины. Однако я держала рот на замке.

– А что с отцом? – спросил парень после недолгого молчания.

– Когда мне было два, он погиб в Афганистане.

– Черт. Мне очень жаль, Джо.

С горестным выражением лица он покачал головой. Не жалость – ее чую я за милю, она пахнет собачьим дерьмом. Однако в голосе Эвана звучало сожаление. Словно он слишком поздно прибыл на место катастрофы.

– Да, но с этим уже ничего не поделать. – Я уперлась локтями в колени. – Ладно… а что насчет твоей семьи?

– Там не о чем рассказывать, – криво усмехнулся он. – А что ты слышала?

Я ухмыльнулась.

– Много. Распространители слухов могут высосать из пальца любую историю.

– О да, они могут, – согласился он, искренне мне улыбаясь.

Воздух между нами потеплел, и я пожалела, что не захватила с собой купальник.

– А как насчет твоих настоящих родителей? – поинтересовалась я. – Они знают, где ты? Ты знаешь, кто они?

Он покачал головой, и то тяжелое выражение вновь вернулось в его взгляд.

– Нет. Когда мне было три года, меня оставили на пожарной станции в Хэлстоне. Я жил в разных приемных семьях, пока три года назад Сэлинджеры не взяли меня к себе.

Еще одно видение появилось в моем сознании и ранило, будто шипы. Маленький светловолосый мальчик, одиноко бредущий по подъездной дорожке пожарной части. Плачет, смущается и, вероятно, зовет маму…

Я хочу стать пожарным.

Я вздрогнула, сделав вид, что отгоняю комара.

– Сэлинджеры официально усыновили тебя?

– Да, но моя жизнь мало чем отличается от жизни ребенка, попавшего в Лимб [11]. Понимаешь, да, я ношу их имя, но ощущаю себя гостем в их доме, который к тому же злоупотребил гостеприимством. – Эван снова оттолкнулся от стены и отплыл на середину бассейна. – Боже, жалко звучит, верно?

Я пожала плечами.

– Я понимаю, о чем ты.

– Думаю, они планируют избавиться от меня в конце года. Вот только Харрису я нужен. Поэтому он, скорее всего, выпрет меня из дома и сразу же предложит работу.

– Он может так поступить?

Эван пожал плечами.

[11] Лимб – первый круг ада из «Божественной комедии» Данте, где вместе с некрещеными младенцами пребывают добродетельные нехристиане – философы, атеисты, поэты и врачи Античности, а также герои языческого мира.

– В прошлом месяце мне исполнилось восемнадцать. У меня нет законных оснований оставаться. Не думаю, что он рвался усыновить меня. Идея Нормы. Шейн слишком болен, а Мерл глуп, чтобы заниматься бизнесом, так что я ему нужен.

– Но ты не хочешь оставаться в Айове.

– Нет! Уеду, несмотря ни на что.

Несмотря ни на что. Мой мозг быстро подсчитал, сколько нам осталось быть вместе. Двадцать два дня до окончания школы.

Я мысленно усмехнулась. «*Ну и что? Он уедет, и это хорошо. Через двадцать два дня у тебя начнутся свои проблемы. Какое тебе дело до того, что делает или не делает Эван Сэлинджер? Ну и что с того, что ты больше никогда его не увидишь?*»

Какая мне разница, черт возьми?

Я пнула опавший лист, лежавший слишком близко к моему шезлонгу, и посмотрела сквозь завесу своих волос. Эван продолжал плавать, наблюдая за мной.

– Что? – спросила я.

– Помнишь, я упоминал о своей потере?

– Ага?

– Я говорил о… памяти. Клочок бумаги, который остался у меня с того дня, когда я пришел на пожарную станцию. Он был приколот к моей рубашке. Записка, написанная рукой моей матери, полагаю. – Он кивнул сам себе. – Нет, уверен, что это ее почерк.

– Что там было написано? – произнесла я упавшим до шепота голосом.

– *«Позаботьтесь о нем, пожалуйста. Пожалуйста».* Это единственное, что у меня осталось от настоящей семьи. Даже на словах это немного. Просто клочок бумаги. Но для меня это *было* все.

– Он потерялся?

– Шейн сжег. Сегодня утром.

Мне показалось, что меня ударили в живот, а воздух вокруг стал на пятнадцать градусов холоднее.

– Он *сжег* записку?

– Да, – безэмоционально повторил Эван, – он именно так и сделал, черт возьми.

– Зачем?

– Потому что злой кусок дерьма, – заявил парень, повышая голос. – Я потерял бдительность на одну гребаную секунду… – Он покачал головой. – Но уже поздно, и я не могу это исправить.

– Мне так жаль, Эван, – тихо пробормотала я.

Он кивнул и подплыл к краю бассейна, положив руки на бортик.

– Она написала слово «пожалуйста» дважды. Именно так. Моя мама… она заботилась обо мне. Написать дважды одно слово. Это ведь должно означать, что ей было не наплевать, верно?

– Да, это так, – быстро моргая, подтвердила я.

– Два «пожалуйста», – повторил он.

– Это что-то значит. Должно.

Кивнув, Эван выдавил из себя улыбку. Он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь взять себя в руки. Его боль простиралась очень далеко. Я улавливала ее, не ощущая неловкости или смущения, и мне хотелось забрать его страдания. В тот момент я бы сделала все, чтобы облегчить их. Только вот не могла. У меня не находилось ни слов, ни машины времени, чтобы вернуться и остановить его мерзкого брата.

Мне оставалось только сменить тему.

– Так что, будешь задерживать дыхание?

Он благодарно улыбнулся.

– Это то, в чем я всегда нуждаюсь. Как тренировка.

– Олимпийская задержка дыхания? Да?

Его улыбка стала еще шире.

– Я не пытаюсь установить мировой рекорд. Мне просто нравится это делать. И нужно.

– Прошлой ночью ты провел под водой четыре минуты. Какая у тебя цель?

– Четыре минуты – это очень хорошо. Пит Колат продержался под водой девятнадцать, Дэвид Блейн в прямом эфире задержал дыхание на семнадцать. Если они смогли, то и я достигну семи или восьми минут. Может, и больше.

– Зачем?

– Не знаю. Может, это часть моей неадекватности.

– Я не считаю тебя сумасшедшим.

На губах его мелькнула слабая усмешка.

– Это впервые.

Я улыбнулась в ответ, и снова наступила тишина. Пауза затягивалась, становясь неловкой. Словно мне говорили: «Остановись, пока не поздно».

– Мне лучше вернуться, – сказала я, хватая сумку и телефон. – Ты уверен, что не хочешь, чтобы я засекла время?

– Не-а, – ответил Эван, не глядя на меня. Он прочистил горло. – Но может… завтра вечером?

От охватившего трепета я едва не выронила телефон. *Он хочет видеть меня снова!*

– Конечно, без проблем, – согласилась я, пожимая плечами как ни в чем не бывало.

На лице Эвана появилась широкая улыбка, и это была самая красивая из тех, которые я видела за долгое время. Подлинная. Открытая. Странное теплое чувство захватило меня.

– Круто, – сказал он, – значит, увидимся?

– Да, – ответила я, поднимаясь. Ремень сумки зацепился за подлокотник кресла, когда я попыталась взвалить ее на плечо. Она сорвалась и упала на цемент. *Черт.* – Круто. Увидимся.

Я схватила сумку и, не оглядываясь, покинула территорию бассейна.

И почувствовала это.

Взгляд Эвана.

Теплый ветерок пробежал по моей коже. Жар охватил обнаженные руки, волосы на затылке встали дыбом.

И что это я разнежничалась?

Не знаю, что заставило меня обернуться. Возможно, я желала снова испытать это ощущение. Может, мне следовало что-то сказать. Или ему нужно было что-то услышать. И если я не скажу, то буду чувствовать себя еще хуже, чем прошлой ночью.

Я сделала несколько шагов назад к бассейну.

– Хреново, что Шейн сжег твою записку. Это чертовски дерьмово.

– Да. – Эван вытянул шею чуть вперед, не двигая ни единым мускулом.

«Это слишком личное. Не надо. Ты сделаешь только хуже».

Я подавила эту мысль и с трудом сглотнула.

– Но те слова, которые написала твоя мама… они настоящие. Ты всегда будешь знать, что она оставила их и у нее имелась причина это сделать. Дважды написать «пожалуйста». Шейн не может стереть их. Он не может уничтожить *посыл.* Твоя мама хотела, чтобы о тебе заботились. И ты всегда будешь помнить об этом.

Эван не пошевелился и не сказал ни слова. В полумраке я едва могла разглядеть его лицо. Но поняла, что поступила правильно, еще до того, как он сухо сказал:

– Спасибо.

– Да, конечно. Без проблем.

– Спокойной ночи, Джо.

– Спокойной ночи, – я улыбнулась и повернулась, собираясь уйти, – Эван.

Глава 9
Джо

Следующее утро началось со сплетен. Джаред не мог подставить себя, иначе его девушка узнала бы, чем мы занимались всю неделю. Он поручил эту грязную работу своему приятелю Мэтту Кингу.

Он без малейших угрызений совести разболтал всем о том, что я делала с ним за трибунами. Джаред поведал ему несколько имевших место подробностей, чтобы сделать историю правдоподобной, а крошечная школа проглотила ее. К обеду знали уже все.

Хуже того, кто-то сообщил, что я рассказываю разные версии о происхождении моего шрама. Теперь все называли меня Джокером. Идя по коридорам, я слышала перешептывания, а один ученик налетел на меня со словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.